

АНТОН КРОТОВ

АВТОСТОПОМ в Индию

ИЗ МОСКВЫ ЧЕРЕЗ ЗАСНЕЖЕННЫЙ
КАВКАЗ, ИРАН И ПАКИСТАН
В ИНДИЮ И ОБРАТНО,
НА ПОПУТНЫХ МАШИНАХ,
ПОЕЗДАХ И ПЕШКОМ

Антон Кротов
Автостопом в Индию.
Из Москвы через
заснеженный Кавказ,
Иран и Пакистан в Индию
и обратно, на попутных
машинах, поездах и пешком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575317

ISBN 9785447482008

Аннотация

В начале 1998 года Антон Кротов и группа его друзей стартовали автостопом из заснеженной Москвы и отправились на Воронеж, Ростов, Тбилиси, Ереван, Тегеран, пересекли Иран и Пакистан и, испытав множество приключений, добрались до Индии, впервые в истории российского автостопа. Спустя несколько месяцев после старта отправились назад на Родину. Книга описывает все разнообразные приключения на этом маршруте, с рисунками автора.

Содержание

Предисловие	5
Начало. Действующие лица	9
Старт. Москва – Тбилиси – Ереван	19
Письмо первое. Грузия, Тбилиси, 4.02.98	29
Письмо второе. Армения, Ереван, 5.02.98	32
Армения, Ереван, 6.02.98	36
Письмо третье. Армения, Ереван, 9.02.98	38
Армянские ночёвки	47
Письмо четвёртое. Армения, автобус на Кафан, 14.02.98	56
Через снежные перевалы Армении – к тёплому Ирану	64
Входим в Иран	73
Тегеран. Даёшь пакистанскую визу!	79
Письмо пятое. Иран, Кум, 20.02.98	90
Иран, автобус Тегеран—Кум, 21.02.98	94
Иран, Бам, 25.02.98	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Автостопом в Индию
Из Москвы через
заснеженный Кавказ,
Иран и Пакистан в Индию
и обратно, на попутных
машинах, поездах и пешком**

Антон Кротов

Иллюстратор Антон Викторович Кротов

© Антон Кротов, 2020

© Антон Викторович Кротов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-8200-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прошло восемнадцать лет с тех пор, как мы (группа путешественников из европейской части России) отправились автостопом из Москвы в далёкую и загадочную Индию, через Грузию, Армению, Иран, Пакистан. Поездка туда и обратно длилась около трёх месяцев, и это было первое известное нам путешествие подобного рода (по такому маршруту). Через некоторое время все мы благополучно возвратились домой.

Непосвящённому читателю может показаться, что путешествие автостопом через эти страны является, как модно говорить, «экстремальным», или просто очень опасным. Реальность, конечно, проще – поехать с нами тогда мог любой, случайно взятый, здоровый человек, что в результате и произошло. Визовую информацию я изучил заранее, летом 1997 года, в ходе предварительной поездки в Иран. Каждый желающий мог принять участие в индийской экспедиции. Никакого отбора не было, вот и собрались в поездку разные люди, в том числе и не имеющие опыта дальних автостопных путешествий, и какой-либо другой совместной деятельности. Что из этого вышло, вы узнаете из текста повествования.

Читателю XXI века будет уже сложно понять, как мы путешествовали, не пользуясь интернетом, сотовой связью и т.п.,

и сообщались с родными – бумажными письмами и редкими телеграммами. Что ж, такова была особенность нашей жизни и путешествий в те, не очень уж давние годы.

После возвращения домой из Индии я выпустил несколько книг. Первая книга по «индийской» тематике называлась «Побывать в Индии – это просто» и включала практические советы по получению иранской, пакистанской и индийской виз, по транспорту и по особенностям региона. Вторая книга называлась «В Индию – по-научному» и содержала подробное описание поездки, сделанное на основе моих бумажных писем, которые я отправлял родителям домой из этого путешествия. Третья книга, «Автостопом в Индию», содержала и практическую информацию, и повесть о поездке. Сама повесть создана вскоре после возвращения, в 1998 году.

Сейчас, спустя 18 лет, все три мои первые книги об Индии стали библиографической редкостью. Наконец настало время переиздать эту интересную книгу, снабдив её примечаниями, уточняющими современное положение вещей, или поясняющими то, что стародавнему читателю казалось естественным. Сам текст книги останется без изменений, я лишь убрал только явные ошибки и опечатки. В конце книги находится послесловие, из которого вы узнаете последующую судьбу участников экспедиции, а также современное состо-

ание пройденного тогда нами маршрута¹.

Все участники первой поездки 1998 года, кроме Алексея Журавского («Полковника»), были впоследствии обнаружены и лично, и в интернете. Если из читателей книги есть Алексей «Полковник», – мне интересно узнать твою дальнейшую судьбу! Мой Емайл krotov_avp@mail.ru, телефон +7903—500—9850, ВКонтакте: <http://vk.com/antonkrotov>.

Этими же координатами могут воспользоваться и другие граждане, чтобы найти меня, задать какие-то технические вопросы, или напроситься в гости. Однако, многолюдные поездки для всех желающих я уже давно не устраиваю – с 2002 года. Если вы хотите попасть в Индию – обращайтесь не ко мне, а в турфирму, турагентство, или просто купите билет на самолёт. В крайнем случае, поезжайте по земле самостоятельно, что довольно хлопотно, но до сих пор возможно. Как это получилось у нас, вы узнаете из этой документальной книги.

Нижний Новгород, апрель 2016

¹ В Индии я побывал ещё раз – в 2015 году. На этот раз я залетел туда самолётом, и побывал и в старых, и в новых местах, вместе с Екатериной Бояровой, а также с Машей Прониной («Виг»). Но рассказ об этом – тема будущей специальной книги.

Начало. Действующие лица

Зимой, в начале 1998 года, девять автостопщиков покинули Москву, проехали на попутных машинах через Грузию, Армению, Иран, Пакистан и добрались до Индии, а затем вернулись домой. Об этом я и расскажу вам.

Идеи посетить Индию, сперва немного авантюрные, начали проявляться среди нас ещё в 1994 году. Однако, прошло ещё несколько лет, прежде чем мы, представители Академии вольных путешествий (АВП) стали всерьёз планировать Путешествие.

После долгого изучения нескольких возможных маршрутов был выбран наиболее реальный – через Иран и Пакистан. Однако было неясно, как можно получить визы этих, довольно-таки закрытых государств. Кроме того, никто из наших знакомых-автостопщиков никогда не ездил по этим странам: все почему-то предпочитали ездить на запад от Москвы, по трассам Западной Европы, или, на худой конец, Западной Сахары. В общем, решено было съездить в Иран «на разведку».

Побывав в Грузии, Армении и Нагорном Карабахе, трое московских автостопщиков (Олег Моренков, Влад Разживин и я) попали в Исламскую Республику Иран. Не дождавшись виз в Москве, мы получили их в Армении (там это оказалось проще, быстрее и дешевле). Проведя в Иране десять дней,

мы выяснили, что это очень душевная, интересная и безопасная страна, что автостоп в Иране вполне возможен и что пакистанскую визу, неполучаемую в Москве, можно было тогда получить в Тегеране за один день².

Иранцы удивили нас своей чистотой, аккуратностью и гостеприимством. Древние мечети и крепости, современные дороги, дешёвые финики и хлеб. Языковой барьер под конец уже почти не ощущался (несмотря на почти поголовное незнание иранцами английского языка). Проведя в Иране девять сказочных дней, мы выехали в Среднюю Азию, а затем вернулись домой. Подробный рассказ обо всём этом вы можете прочесть в моей книге «Через семь границ».

После этой поездки, проведённой в августе-сентябре 1997 года, наземный путь в Индию можно было считать научно разработанным³. Была выбрана дата старта – 1 февраля

² Для визы, однако, нужно рекомендательное письмо от российского посольства. В последние годы получить это письмо стало очень сложно; поэтому современным путешественникам лучше озаботиться пакистанской визой заранее! – Примечание 2016 г.

³ Пересекать границы между дальними странами можно не где попало, а только через международные погранпереходы, где вам поставят въездной штамп. Огромная Индия имеет всего несколько международных автопереходов. Между Индией и Пакистаном один переход. С Афганистаном Индия нигде не граничит, несмотря на многолетнюю ложь советских и российских политических карт; северные области, указанные как индийские на отечественных картах, реально называются «Кашмир» и вот уже более 60 лет находятся под контролем Пакистана. Из Индии в Китай официально проехать нигде нельзя, несмотря на наличие общей границы. Можно попасть из Индии в Непал или Бутан, или наоборот. Из Индии в Мьянму (Бирму) проехать тоже было невозможно, опять же по по-

ля 1998 года. Очень удобная дата. Во-первых, в Индии ко времени нашего прибытия будет ещё не очень жарко; во-вторых, студенты, которые собирались поехать с нами, как раз в конце января завершают свою очередную сессию. Индийскую визу мы собирались получить в Москве, а иранскую и пакистанскую – по дороге. Мы запланировали движение двойками со встречами в крупных городах до самого Дели. А вот дальнейший маршрут путешествия по Индии и маршрут обратного возвращения домой, по нашей изначальной договорённости, был личной проблемой каждого конкретного участника.

Поездка была открытой, то есть присоединиться могли все, имеющие загранпаспорт, энтузиазм и свободное время. Желавших проявилось довольно много, но их желание, как правило, быстро увядало. В результате в Индию отправилось десять человек. Возраст участников указан на момент отправления в путешествие.

1. **Алексей Журавский** (46 лет), занимающийся йогой, медитациями и святыми вибрациями, был, по-моему, самой колоритной фигурой во всей экспедиции. Алексей полжизни провёл в армии, побывал в Чечне, в Чернобыле и прочих неприятных местах, имел титул подполковника химических

литическим (бюрократическим) причинам – Индия как бы «заперта» с востока. Может быть, когда-нибудь ситуация изменится, но пока въезжать в Индию по земле можно только в очень небольшом числе мест, из Пакистана и Непала. – Примечание 2016 г.

войск. Кличка «Полковник» так и осталась за ним во время путешествия.

Полковник, своим лицом напоминающий В.И.Ленина, часто становился центром внимания, благодаря испускаемым им мудрёным речам: про святые вибрации, про Шамбалу, про ауру, про йогов, про тибетских монахов, за двое суток проходящих пешком весь Тибет и т.д.. Что же касается автостопа – на момент старта стаж Алексея составлял примерно 100 км.

2. Максим Крупнов, чемпион Тверской области по шахматам, был второй колоритной фигурой в нашем путешествии. Он действительно был крупным, ростом около 190 см. Во всех городах на него, почувствовав его сущность, прямо-таки липли местные «шахматисты», желающие, впрочем, не столько играть, сколько продать свои шахматы иностранцу.

Несколько раз в Индии Максиму удавалось приобрести комплект шахмат. Но судьба этих шахмат была схожей: сна-

чала Максим был счастлив, пытался со всеми играть (в особенности часто его жертвой был Руслан); через пару дней терялась какая-нибудь пешка, потом терялись или забывались и все шахматы. Максим ходил по Индии грустный и озабоченный утратой. Потом, после долгой и ожесточённой торговли, ему удавалось приобрести очередной комплект. Максим был счастлив, но новые шахматы терялись вслед за предыдущими.

Максим, в мирской жизни зарабатывавший себе на жизнь продажей книг в тверских электричках, поехал в Индию с огромным «торговым» рюкзаком. 140-литровый рюкзак Макса содержал множество ненужных вещей. От самой Твери долгие тысячи километров ехали с Максом старые дырявые сапоги. Мечтой нашего друга было – помыть эти сапоги в Индийском океане и тем выполнить мечту В.В.Жириновского. Только в пакистанском городе Кветта удалось нам уговорить Макса избавиться от сапог.

Начиная с Еревана, Максим периодически стал ворчать, нервничать и высказывать своё недовольство окружающим миром. Окружающий мир, в Пакистане укравший у Макса 100 долларов (из 118 имевшихся, то есть почти все его деньги), а в Индии заразивший его непонятной «Максовой» болезнью, постоянно укреплял в нём недовольство, которое переросло в паническое желание вернуться домой. Подробнее об этом вы прочитаете в своём месте.

3. Житель Питера **Владимир Шарлаев** в свои 18 лет оказался самым молодым участником мудрейшей экспедиции. В своём жёлтом комбезе он представлял собой стажёра Питерской Лиги Автостопа (ПЛАС). Взяв в институте академический отпуск, Вовка располагал неограниченным количеством времени. Водились у него и деньги – единственный из всех, он повёз с собой электронную пластиковую карточку. Когда некоторые участники по дороге утратили имевшуюся у них наличность, – в Индии Владимир раздавал всем желающим льготные кредиты. Вовка, на пару с Леной Крымской, задержался в Индии дольше остальных и вернулся домой только во второй половине мая, через четыре месяца после старта. Ещё он любил залезать на всякие старые стены, башни и форты и даже пару раз благополучно падал с них.

4. **Лена Крымская** – единственная женщина в нашей почти однополой экспедиции. В мирской жизни Лена работала медсестрой. В 1997 году, участвуя в наших «Гонках мудрости», Лена побывала на Северном полярном круге, в городе Салехарде. Видимо, посетив север, ей захотелось посмотреть и юг. Взяв отпуск за свой счёт, она смело отправилась в дальний путь, и, вернувшись через четыре месяца, до сих пор переживает, что посмотреть всё не хватило времени.

5. **Руслан Кокорин**, родом из-под города Орла, жил в Москве в общежитии МГУ (давно уже не учась в нём). По ито-

гам 1997 г. он был самым передовым распространителем книг по автостопу, продав свыше 5.000 экземпляров моей книги «Практики вольных путешествий». Мы их продавали в электричках всю весну и начало лета 1997 года... Руслан, ранее при помощи автостопа посетивший 14 стран Европы, был полезным и опытным человеком, поэтому я активно зывал его с нами в Индию, и он, после долгих раздумий, всё-таки согласился. Помимо автостопа и продажи книг, Руслан увлекался боевыми искусствами и даже, под конец путешествия, пытался обучать им Максима, на что Макс пытался научить Руслана играть в шахматы.

6—7. **Дима Назаров и Данила Африн**, студенты МГУ, получили ещё в начале путешествия общую кличку «Гортексы», по наименованию ткани GORE-TEX, куртки из которой они носили. Сдав зимнюю сессию, они отправились с нами в дальний путь, чтобы вернуться обратно к сессии летней. В Дели мы разделились с ними. Побродив по Индии, Гортексы заехали в Непал, а в начале мая вернулись в Москву на самолёте. Дима оказался крутым фотографом, отснял в пути около сорока фотоплёнок и привёз кучу шикарных снимков; обещал и мне напечатать какие-то из фотографий, но этого не сделал.

8. **Олег Матвеев**, третий «Гортекс», тоже оказался студентом МГУ. Паспорт Олега был полон всяческих виз, вклю-

чая экзотические (Кувейт, Саудовская Аравия и др.), которые он, вместе с отцом (мидовским работником), посетил раньше. В самом начале пути, в грузинском городе Гори, неизвестные воры похитили его рюкзак с находившимся там загранпаспортом. Утратив паспорт, Олег потерял вместе с ним и способность выезжать за пределы СНГ и Индии не достиг – вернулся в Москву.

9. **Сергей Смирнов**, бродячий человек родом из Питера, за которым вскоре закрепилось заочное наименование «Хип». Узнавший о нашем намерении посетить Индию, Сергей решил присоединиться к нам по дороге «туда», добраться до Индии и остаться там навсегда – или, во всяком случае, надолго. Ещё по дороге Хип удивлял всех своей экономностью и приспособленностью к нецивильной жизни. Достигнув Индии, Хип поселился на юго-восточном побережье, в свободном городе Ауровиле, где и прожил почти полгода, а затем вернулся домой. В неформальных кругах Сергей имеет прозвище «Гунь».

Участником номер 10 в этом списке оказался я, автор этих строк, президент АВП, **Антон Кротов**. Мне исполнилось, к моменту старта, 22 года.

В дополнение к десяти собравшимся в Индию людям, в круг нашего повествования войдут ещё два путешествен-

ника: житель Подмоскovie **Паша Марутенков**, не успевший к моменту старта оформить свой загранпаспорт и поэтому провожавший нас только до армянского города Сисиана⁴, и наш питерский друг **Костя Шулов**, озабоченный учёбой в институте и решивший ограничиться Ираном.

Никаких ограничений на состав едущих не было. Каждый мог поехать, кто хотел. Так и получилось.

Все упомянутые люди выезжали из дому не в один день.

Раньше всех, 27 января, выехали «бородатые гонцы» Алексей-полковник и Паша Марутенков. Они взяли на себя труд сдать за всех стопку анкет для Иранского посольства, заполненных нами ещё в Москве. Чем раньше они их сдадут, тем раньше будут готовы визы.

Владимир и я выехали 31 января. В начале февраля потянулись по заснеженным трассам на юг и другие участники экспедиции. Один за другим они прибывали на условленное место встречи, – в парк Комитаса напротив иранского посольства в Ереване. Я заранее объявил этот парк первым местом, где будут встречаться постепенно подъезжающие участники индийского похода.

⁴ В те времена посещение Грузии и Армении было возможно без заграничного паспорта, чисто по внутреннему российскому. Сейчас загранпаспорт для обоих этих стран обязателен. – Примечание 2016 г.

Старт. Москва – Тбилиси – Ереван

Дорога в Индию начинается с Каширского шоссе, от метро «Домодедовская». Все мы ехали до Еревана порознь. Мы с Вовкой Шарлаевым вышли на трассу 31-го января, холодным метельным утром.

Попрощались – до встречи в Ереване! – и уехали поодиночке.

Первый день был трудным и холодным, и из него ничего не запомнилось. Только ветер и зима – так началось путешествие в южные страны.

За день я проехал километров шестьсот и заночевал в недостроенном доме в городе Павловске, Воронежской области.

Наутро 1 февраля меня подобрала легковушка с правым рулём. Водитель Анатолий оказался очень интересным субъектом. Больше всего в жизни он любил деньги. Поэтому и рассказывал он в основном о бизнесе, а я своими вопросами подогревал его рассказ.

– А много пришлось перепробовать, прежде чем вы нашли свой бизнес? – спросил я.

– Много, ой, много... Первый бизнес был такой – я воровал. У государства. Что воровал? масло. Десять миллионов [до деноминации 1998 г] выходило за ночь. Увозил целый

«Камаз» масла и сдавал, куда можно было без проблем сдать. Потом накрыли меня, угрозыск. Всё, что заработал, пришлось отдать... Потом занимался машинами. Потом магазин открыл. Но здесь это невыгодно. У вас в Москве за день выручка десять, двадцать может быть миллионов [до деноминации 1998]. У нас – пятьсот тысяч, миллион. Да и то, если миллион – хорошо, удачный день. Закрыв магазин. Пошёл работать на государство и перепробовал работ пятнадцать. Всюду всё одно. Работаешь, а денег государство не платит. Есть у нас предприятия, что годами не платят, годами! Поэтому не стал больше на государство работать.

– Потом, – продолжал Анатолий, – чем только не занимался. Водку гнал (вместо «гнал» он употребил какой-то специфический термин, который я забыл). Нет, не промышленно, подпольно. Это у вас, в Москве, левую везде продают с ларьков. Здесь её продают с дома. Этот бизнес, водка, да и наркота, у нас очень выгодный. Наркотой занимался тоже. Потом заложили меня, платить пришлось, двадцать миллионов, и этот бизнес пришлось закрыть... Да, очень много пришлось перепробовать, при том, что мне теперь 24 года. У вас, в Москве, трудно начать свой бизнес: стартовый капитал нужен. Солидный капитал. А я, когда начинал, никакого капитала, одни долги были. Столько всего перепробовал, пока нашёл своё дело. А что потом? Дом куплю. Один есть уже, второй надо. Говорят, цена на недвижимость будет

расти. Машину продам. Сколько можно на одной и той же ездить? Другую куплю. А так, кататься, путешествия, авто-стоп – я этого не понимаю. А где ночуешь? Как в палатке? Не представляю. Я даже в машине не могу своей ночевать. Так и еду, пока не встречу гостиницу. В палатке? да ещё зимой? не представляю!

Да, не все водители мечтают стать автостопщиками. Каждому своё! Через несколько часов я расстался с бизнесменом Анатолием и попал в машину к другому водителю, пожилому ростовчанину, который тоже решил поделиться со мной своими мыслями:

– Я тебе вот так честно и скажу. Когда вот после того, как этого Павла Шеремета в Белоруссии, в Минске посадили под следствие – помнишь? другая женщина, из ОРТ, поехала к нему в Минск. Потом её спросили, в передаче: зачем вы ездили в Минск? Она говорит, слушай: чтобы пожать руку Павлу Шеремету! – Только для этого? – Только для этого! – Так вот и сказала на весь телевизор... А я на это тебе скажу, – продолжал водитель, – что в тот же Минск, или в любой другой город если бы меня послали за казённый счёт, то я не только Павлу Шеремету, но и своему злейшему врагу пожал бы руку, если бы мне эту поездку так, на халяву бы, оплатили!

Вечером (мороз был минус пятнадцать) я оказался на по-

вороте на Краснодар. Отошёл метров на двести от поста ГАИ, углубился в лес и поставил палатку, ибо темно уже было и ехать не хотелось, а хотелось спать. Только я нагрел своим телом пуховый спальник производства А. Ворова, как послышался скрип тормозов, шаги, кто-то подошёл к палатке с фонариком и матом. «А ну вылезай-собирайся! ты тут подохнешь, а мне отвечай!» Оказалось – гаишники решили совершить акт милосердия. Мысленно проклиная гаишников, я вылез, собрал рюкзак, понукаемый ругательствами, и вернулся на пост ГАИ, где мне тут же застопили машину до следующего поста (до поворота на Тихорецкую). Там я, шпионски озираясь, прошёл по замёрзшему шоссе уже метров шестьсот, и, убедившись, что никакой гаишник меня уже не застучает, вновь углубился в лесопосадки и отправился в мир сна.

На другое утро, а было весьма даже холодно! – я уже употреблял кипяток рядом с автостанцией города Кропоткин. В этот день я двигался очень медленно и дотянул только до Нальчика. Поскольку была совершенно конкретная зима, я решил не продолжать движение, а провести операцию «Интеллигентный бомж». Забрался в одну из многоэтажек на последний этаж и там, на лестничной клетке, среди дверей квартир, разложил спальник и устроился на ночлег. Когда люди, возвращающиеся домой с работы, проходили мимо меня, я говорил им «Здравствуйте».

Вскоре «интеллигентный бомж» стал достопримечатель-

ностью всего этажа, и местные жители, поначалу осторожно глядевшие в глазки, убедились в моей безобидности и стали выносить мне чай, конфеты, жаркое, хлеб и прочее продовольствие. Поблагодарив всех, я вернул пустые тарелки хозяевам и спокойно заснул.

Кстати, читатель, а вы как поступите, если у вас на лестничной клетке расположится на ночлег какой-нибудь кабардинец? Полицию вызовите или чайник поставите?

...В предрассветном тумане я стоял на повороте на Алагир. Примерно шесть километров меня провёз осетинский старичок в кепке и в усах, несомоходный, как и его машина. Когда машина-старушка очередной раз (вероятно, навсегда) заглохла и даже моё толкание не помогло ей завестись, – старичок попытался вылезти из машины и потратил на это минуты три. Когда старичок вылез и открыл капот, оказалось, что он знает по-русски только ругательства. Впрочем, от моей помощи он отказался и остался на дороге, высматривая в редких проезжающих машинах тащильный трос.

Другой водитель, на «Ниве», с ружьём на переднем сиденье, положительно отнёсся к автостоппным путешествиям:

– Кто как, а я одобряю. Хорошее дело. Я сам бывал в Москве, работал там. И брат у меня в Москве, второй человек в Южном округе, вот и куртка у меня оттуда, – и во-

датель гордо продемонстрировал мне свою спину, на которой, как у дворника, красными буквами на синем фоне было написано: «МОСКВА, ЮЖНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОКРУГ».

С ним я доехал до Ардона, а потом, с другим москволюбом, прочившим Лужкова в президенты, – до следующей деревни. Мужик из деревни возил на машине своих детей в школу, находящуюся в Ардоне (в деревне была только девятилетка). А в институт поступать он повезёт детей ещё дальше, в любимую столицу.

Следующая машина, в которой ехали муж с женой, довезла меня до Алагира. Супруги винили во всех экономических бедах многочисленных беженцев.

– Вот наш город, беженцы всё загадили, сколько!.. Пансионаты, санатории, и даже дома, что были недостроены, – всё им отдали. Пока они не вернуться в свои земли, не может быть и речи о нормализации жизни!

Пройдя Алагир, я обнаружил автобус на Цхинвал.

– Куда едешь? – спрашивает толстый, в толстом тулупе водитель-осетин.

– Далеко, в Индию.

– *Я как водител тебя спрашиваю!*

– Сейчас – в Цхинвал.

– Хорошо. Рюкзак в багажник. Садись, Индия!

Индия кажется так далеко от этих заснеженных гор, что водители и не воспринимают всерьёз. Тем временем, желающих сесть в автобус достаточно много. Вот салон автобуса уже переполнен людьми и мешками. Опоздавшая к посадке бабка безуспешно штурмует переднюю дверь.

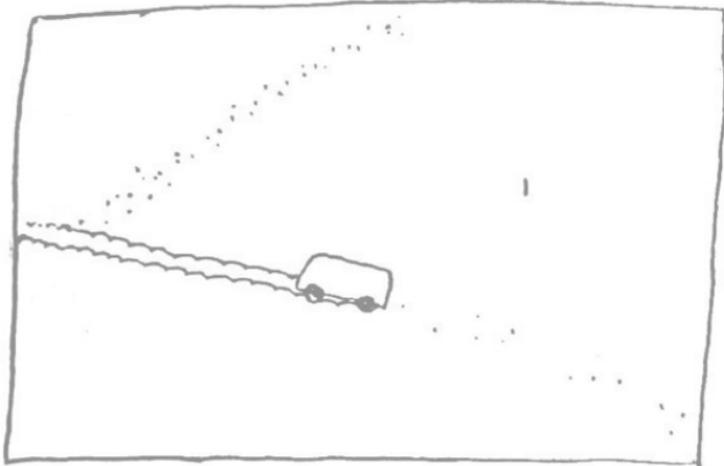
– Пустите пенсионерку! Расселись, спекулянты!

– Вот, спекулянты и ездят, а пенсионеры пускай дома сидят! Не от хорошей жизни спекулянтами стали! – отвечают ей более удачливые жители автобуса.

Трасса Алагир—Бурон. Мы поднимаемся в горы. Ветер сдул весь снег до малейшей снежинки. Маленький посёлок после Алагира: здесь в советские годы был какой-то рудник. Сейчас – ветер, зима, серые двухэтажные дома, обломки плаката «РЕШЕНИЯ КПСС —...». Ленин однорук.

На границе России пассажиры неохотно вылазят из автобуса, держа крепко свои паспорта (как бы не сдуло), затем резво прыгают обратно.

Автобус проползает по обледенелому, слабо освещённому Рокскому тоннелю. В тоннеле стоят большие синие бочки. Табличка: «продаётся спирт с гарантией». В тоннеле – сталактиты льда.

Выехали из тоннеля – ах! Всё в снегу! Все горы, здания, машины, спирт покрыты толстым, в полметра или более, слоем мягкого, жирного, влажного снега. Ветра нет. Всё абсолютно белое, куда не посмотри. Кое-где из-под снега виднеются синие пятнышки. Это – бочки со спиртом. Здесь уже почти год идёт «спиртовая война» – российская таможня не пропускает осетинский спирт, и его накопилось здесь, на границе, невероятное количество, порядка 50000 тонн.

Автобус, как плуг, взрезал белую целину дороги и вскоре остановился посреди абсолютно белого мира. Водитель в тупе протискивается по салону, высматривает пассажиров, ещё не успевших заплатить за проезд.

– Эй! Двадцать пять тысяч! Индия! – [имелись ввиду 25 рублей, но не все ещё привыкли к деноминации – отреза-

нию трёх нулей от российских рублей, произошедшее 1 января 1998 года.]

– Дорого – давайте за двадцать!

– Ага, давай химичить, давай фокус бросать здесь! Как на такой дороге сказать можно подешевле?!

Пришлось заплатить. Другие пассажиры тоже рассчитались, и автобус тронулся. Но вскоре вновь остановился – у свежеекрашенных домиков-будок с надписью: «Республика Южная Осетия. Таможня.»

Люди в форме вошли в автобус, осмотрели пассажиров, у некоторых проверили паспорта. Вычислив «иностранца», потребовали с меня деньги (столько же, сколько стоил проезд в автобусе). Оказалось, что недавно власти независимой Южной Осетии ввели «пограничный налог» на въезд, ещё 25 рублей = 4 доллара по тогдашнему курсу. От уплаты освобождаются только граждане Южной и Северной Осетий.

– Наша страна теперь отдельный, от Грузии, от России совсем отдельный, теперь у нас приказ такой! – объяснил пограничник. – Пока не заплатишь, автобус не пойдёт!

С помощью длинного языка и некоторых пассажиров, вставших на мою защиту, оплаты всё же удалось избежать.

– По многочисленным просьбам трудящихся... (таможенник заглянул в мой паспорт) – Кротов едет бес-платно! – Мне вернули паспорт, и автобус продолжил путь в сторону Цхинвали.

– Вы тут путешествуете, а им надо своих детей кормить! –

объяснили пассажиры.

Позже выяснилось, что и другие наши автостопщики, ехавшие через Осетию, от уплаты налога уклонились, а многие проезжали в машинах с осетинскими номерами и даже не были остановлены.

Цхинвал проехал быстро, выехал оттуда автостопом на Гори – это уже обычная Грузия. Вечером третьего февраля я оказался в Тбилиси⁵.

⁵ Сейчас, после краткосрочной осетинско-грузинской войны 2008 года, и после того, как Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, – такое путешествие через Цхинвал в Тбилиси не рекомендуется предпринимать (вас могут задержать и даже посадить в Грузии, как «пособника осетинских сепаратистов»). Теперь граждане, едущие из России в Грузию, должны ехать через Владикавказ и Крестовый перевал, соседней трассой, по которой мы возвращались из Индии пару месяцев спустя. – Примечание 2016 г.

Письмо первое. Грузия, Тбилиси, 4.02.98

Уважаемые родители, приветствую из Грузии!

Сегодня пятый день пути. Ощущения: сначала было холодно, пурга, снег, в Тихорецке тоже было холодно: -15 С по сообщениям водителей и гаишников. Ночевать же вполне можно; только утром противно собирать палатку: металлические кольца прилипают к пальцам. Надо было брать пластмассовые кольца.

На трассе везли умеренно хорошо. На четвёртый день прибыл в Тбилиси, на дорогу от Москвы сюда ушло 50 часов ходового времени (летом было 44 часа).

В Алагире, когда проезжал его, выявилась старинная крепость – правда, с очень низкими стенами, 2.5 метра высотой, с зубцами; в этой крепости стоит храм. В городе 1-, 5- и 9-этажные дома, а все санатории и пансионаты заселены беженцами из Южной Осетии. В Алагире был увиден типично кавказский памятник В.И.Ленину – его постаментом служит пирамидальная башня из камней (не кирпичей), как все древние башни, только повыше. А сам В. И. Л. маленький. В городе есть автобус; билетёра я не увидел. На здании обшарпанного вида висел плакат (видимо, старый):

«ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ»

Яблоки были дешёвые в Южной Осетии – они стоили по-

чти нисколько; в Тбилиси фрукты дороже. Кстати, в Цхинвали обнаружил ж.д. вокзал. Полуразрушенный. Поездов там не имеется.

Вписка в Тбилиси у меня накрылась, так как Гела, ещё в Москве предлагавший мне ночлег, отсутствует в городе. Несмотря на полученные от разных грузин вчера 3 (три) предложения переночевать у них, я отказался (зная, что грузинский ночлег будет сопряжён с длинными беседами и застольями) и отправился спать на чердак одного из домов. Ночью в городе нет электричества, его дают только на несколько часов по вечерам (18—24 ч), так что днём и вскипятить что-либо трудно. Лифты в домах не работают. Я поднялся пешком на чердак 9-этажки и при помощи фонарика нашёл удобную каморку – бывшее машинное отделение лифта. Заперся, занавесил выбитое окно тентом и лёг спать. Ночью были привидения, вернее одно, оно пыталось ко мне проникнуть, светило фонарём, стучало и ходило по крыше – как мне показалось, всю ночь. Так как оно не разговаривало (я пробовал окликнуть его), сущность его осталась неясной. Наутро следов привидения я не нашёл.

Весь вымок, ходя по жарко-весеннему Тбилиси: +5°C, снега нет.

Зимой в Грузии очень трудно. Как симптом, появилось много (как в Ереване) обменных пунктов, необычно размножились нищие, базары длиной в 1 км: торговцев на них больше, чем покупателей.

Но это ещё хорошо по сравнению с Южной Осетией. Там – крайняя разруха. Например, в Тбилиси хотя бы магазины полные (как у нас в 1993 году – всё есть, покупателей нет). А в Цхинвали, по-моему, больше ста магазинов – и все пустые! Типичный ассортимент:

1) свечи,

2) женские сапоги 43 размера.

Всё.

Коммерческие ларьки: ассортимент из 5—6 наименований. Если 10 – это уже изобилие. Цены выше, чем в Москве. Почтампт выглядит, как в войну; хуже Карабаха. Снега там очень много. Всё в снегу. Под снегом – спирт, спирт, спирт, бочки спирта, тонны спирта, что ещё с 1997 года пытаются вывезти в Россию спиртовые торговцы.

После белой Осетии февральская Грузия предстала передо мной неожиданно бесснежной, цвета прошлогодней травы и весеннего ветра, бедной и гостеприимной страной. В окнах многоэтажных домов торчат кондиционеры (для лета) и трубы печек-буржуек (для зимы). Работает метро. На одной из главных улиц, в полуразрушенном трёхэтажном доме восстановили первый этаж – там работает казино.

...Нашёл почту – спешу отправить. До встречи в следующем письме!

Письмо второе.

Армения, Ереван, 5.02.98

Уважаемые господа родители!

Вчера, хорошо побродив с 25-кг. рюкзаком по узким кривым улочкам Тбилиси (наснямал почти целую плёнку старого города), я решил не оставаться на вторую ночь в Грузии и к вечеру отправился на трассу. Сперва мне попался автобус до Марнеули, отказавшийся ехать в Марнеули потому, что я был единственным его пассажиром, а гонять автобус из-за одного меня водителю не хотелось, хотя я мог даже заплатить; другой автобус всё же довёз меня до Марнеули. В этом городке удивительный человек с рюкзаком, т.е. я, собрал вокруг себя целую толпу любопытных, человек двадцать, которые сильно затормозили моё движение. После Марнеули, четверо грузин провезли меня десять километров, откуда, с безымянной автозаправки, я поймал машину в Садахло, где и появился в поздний, тёмный час. Кстати, дорогу до этого пограничного городка не чинили, видимо, с советских времён.

«Базарный» переход в Армению, около которого я оказался вскоре, был уже закрыт. Переход представляет собой узкий пешеходный мост между двумя посёлками – Садахло (Грузия) и Баграташен (Армения). По обе стороны моста днём имеются два больших базара. Автомобильный переход,

работающий круглосуточно, находится в нескольких километрах от пешеходного. Несмотря на поздний час, начальник грузинской таможни (он-то меня, как оказалось, и подвозил) распорядился открыть железные ворота, и меня перевели через мост к армянским воротам, где и оставили. Армяне сперва не хотели меня пускать, ссылаясь на поздний час и на то, что мой паспорт, мол, не такой, как у людей. Восемнадцатилетние парни, работавшие на базарном переходе, никогда не видели странного советского загранпаспорта⁶. Вскоре меня всё же пустили, я прошёл в будку таможни, мы разговорились, и меня уже не хотели выпускать, предлагая остаться на ночлег.

Остаться ночевать в этой будке я не хотел, ибо многие другие армяне, несущие неподалёку свою воинскую службу, стали появляться в будке, прося открыть рюкзак, показать его содержимое («товар») и прося в подарок открытки с видами г. Москвы, коих мне пришлось раздарить около пятнадцати.

Пограничный посёлок Армении, Баграташен, оказался очень маленьким, провинциальным. Люди здесь живут только за счёт торговли друг с другом. По-моему, никто ни-

⁶ У всех участников поездки, включая меня, загранпаспорт был ещё советского образца, с буквами «СССР», что вызывало недоумения и за пределами бывшего Союза. Дело в том, что в России, и даже в самой Москве, много лет после распада Союза в ОВИРах нам выдавали советские загранпаспорта! Видимо, тогда, в 1991, столько напечатали бланков, что хватило чуть ли не до 2000 года. – Примечание 2016 г.

чего не производит: ни здесь, ни в Садахло, а зарабатывают тем, что ходят по мосту туда-сюда, каждый раз платя пограничникам мзду (по слухам, 20 долларов) за каждый проход. С другой стороны, некоторые армяне ездят в Баграташен прибарахлиться дешёвыми товарами, полученными из Грузии; а некоторые грузины, напротив, ездят со схожей целью в Садахло. В обоих приграничных посёлках плохо с электричеством, но в Садахло оно вообще появляется редко, а в Баграташене – почти каждый день.

Встретив меня в Баграташене, некий ночной армянин решил позвать меня на ночлег и минут десять ходил, одержимый этой затеей, пока вдруг не вспомнил, что у него этой же ночью должно быть «свидание с дэвушкой». Он исчез в каком-то переулке, а я вышел на трассу и даже проехал двадцать километров на заблудшей ночной машине.

Заночевал я на берегу реки. Было тепло и сыро. В шесть утра вновь выбрался на трассу и при помощи фонарика (было ещё темно) остановил «рафик», везущий утренних рабочих в городок Алаверди.

– А я смотрю: что за изображение стоит? думал, дьяволы! – поделился своими наблюдениями водитель «рафика».

Из Алаверди, через Спитак, я добрался до Еревана. Спитак, Ереван и вся дорога оказались вновь неожиданно холодными, в горах лежал снег, холодно было даже в машине. Здесь, в Ереване, днём 0 градусов, ночью – посмотрим.

Кстати, пока я ехал, в Армении, по слухам, произошёл

государственный переворот. Бывший президент Армении Л. Тер-Петросян подал, якобы, в отставку со всем правительством впридачу. Все водители по дороге пророчили, что это война, но внешних проявлений я не заметил. Курс армянского драма достаточно стабилен, курс доллара с осени сохранился на прежнем уровне (500 драм), а рубль даже немного подешевел; цены сходны с летними. Хлеб те же 110 драм, автобус 40 драм. Фруктов, однако, совсем мало. Некоторые нищие сидят прямо на замёрзших мостовых, подстелив картонные коробки.

Настроение хорошее. В посольство пока не ходил. Буду ждать – сколько народу будет на завтрашней встрече? Как бы не застрял кто-нибудь? Дороги-то – ой-ой-ой!

Армения, Ереван, 6.02.98

Встретились сегодня в заснеженном парке напротив иранского посольства следующие господа: 1—2). Наши бородатые «гонцы» – Алексей Журавский (Полковник) и Паша Марутенков. Они приехали только вчера, в четверг 5 февраля, ехали целых 8.5 дней! Так, за первый день они доехали только от Москвы до Новомосковска (Тульской обл.), затем, двигаясь медленно, попали на Украину, затем, в Грузии, тоже заехали не туда, сев на электричку в сторону Боржоми; в Армении их опять занесло – они попали на армяно-азербайджанскую границу, где и ночевали в блиндаже (им даже дали пострелять из Калашникова). К чести блуждающих «гонцов» извещу, что наши анкеты они сдали, и во вторник 10 февраля мы можем приходить за визой.

3) Вовка из Питера,

4—5) Данила Африн и Олег Матвеев. У Олега в городе Гори (родина незабвенного И.В.Сталина) украли рюкзак, в котором, по своему обычаю, он хранил паспорт.

Ирония судьбы состоит в том, что в этом рюкзаке хранились и другие вещи. Олег – единственный из нас всех, кто не поленился сделать медицинскую страховку на весь срок поездки, заплатив 28\$. Так вот, страховой полис тоже украли! Юмор ещё и в том, что Олег – единственный из нас всех, купивший ещё в Москве дорогостоящие таблет-

ки от малярии, кои всем показывал, хвастаясь своей предусмотрительностью. Таблетки тоже были в рюкзаке.

Шестым прибывшим был я. А вот не встретили мы следующих господ: 1) Руслана (он заболел ещё перед стартом, но обещал быстро выздороветь и догнать нас), 2—3) Макса с Леной (тормозят), 4) Диму Назарова, который собирался выйти из дома только 2 февраля, да ещё и не утром, 5) питерского человека С. Смирнова. Итого нас должно быть одиннадцать человек, включая Пашу (нашего «гонца»), который не поедет в Индию (у него нет загранпаспорта). Постараемся обрести отсутствующих завтра, в день 7 февраля 1998 г.

Все прибывшие сыты, здоровы, не замёрзшие. В Ереване сегодня всюду сыро, прохладно, дёшево. Письмо из Армении в Москву стоит 200 драм. Спешу отправить его. До встречи в следующем письме!

Письмо третье.

Армения, Ереван, 9.02.98

Добрый день, товарищи родители! Продолжаю сообщать о ходе нашего путешествия.

Ночь с субботы на воскресенье мы с Вовкой ночевали в недостроенном доме. Недалеко от иранского посольства мы нашли высотный дом-недострой и решили переночевать в нём, думая, что он пустой. Подошли к дому, пробираясь между ям, труб и куч строительного мусора по протоптанной в снегу тропинке. Оказалось – дом не просто жилой, а прямо-таки набит людьми. Дом был недостроен и брошен лет семь назад, а вскоре успешно заселён разного рода беженцами и пострадавшими от землетрясения и войны. Внутри весь дом полон строительного мусора. Цемент, брошенные носилки, всюду гуляет ветер. С крыши, где тает снег, и далее с 16-го этажа на первый ручьями бежит вода между лестниц, образуя на первом этаже настоящий ливень. Странно, но работает один лифт. Мы ходили по дому, пытаясь найти хоть одну пустую квартиру. Тщетно! На лестничных площадках, продуваемых ветром (многие окна никогда не стеклились), сушится бельё. Люди смотрят на нас удивлённо. Пока искали чердак, нас позвали в гости в квартиру на четырнадцатом этаже.

Квартира. Трёхкомнатная, но одна комната не использу-

ется – в неё свалили щебень, застывший цемент и другой мусор. В стенах щели, ни штукатурки, ни обоев нет, грязный паркет, в квартире ходят обувью. Стёкла в главной комнате есть, сквозь щели в рамах дует воздух. Посреди комнаты – железная печь с дровами (по всему Кавказу дым от таких печек), чёрная труба идёт через всю комнату и выходит в окно. Обстановка: пара табуретов, диван и столик со старым чёрно-белым телевизором. Телевизору лет двадцать, изображение ужасное, но хозяин, его дети и соседи смотрят его почти непрерывно. На другой стене – старый ковёр и иконы-тряпочки. Под потолком болтается одна голая лампа.

«Не удивляйтесь, дом новый, не успели ещё обжиться, четыре года всего, как переехали,» – виновато улыбается хозяин, подкидывая в печку дрова. Мы сушим, вернее, проветриваем вещи. По телевизору идёт боевик (на английском языке, с плохим русским переводом). Сюжет фильма: русские террористы захватили самолёт, в котором летел президент и всё правительство США. Американцы спасают своего президента, который и сам вполне самоходен, бегает, стреляет и перепрыгивает из самолёта в самолёт на полном ходу. Сосед (видимо, не у всех есть телевизор), пришедший со своей табуреткой, и дети хозяина увлечённо смотрят фильм

«А что делать? куда идти? работы нет, ничего нет,» – объясняют нам.

Нас решили накормить. Несмотря на наши протесты,

откуда-то появился кусочек мяса, который разрезается на кусочки и жарится на электроплитке.

Мясо напоминает жвачку, все долго и с умным видом его жуют, хотя съедобная часть его не превышает 30%. За ужином рассказывают о жизни, о недавней войне и об общей обстановке в Армении. Тут воспринимают Россию как рай. Тер-Петросян подал в отставку, в Ереване ждут новой войны и смотрят телевизор. Хорошо, что постоянно есть электричество (в отличие от Грузии).

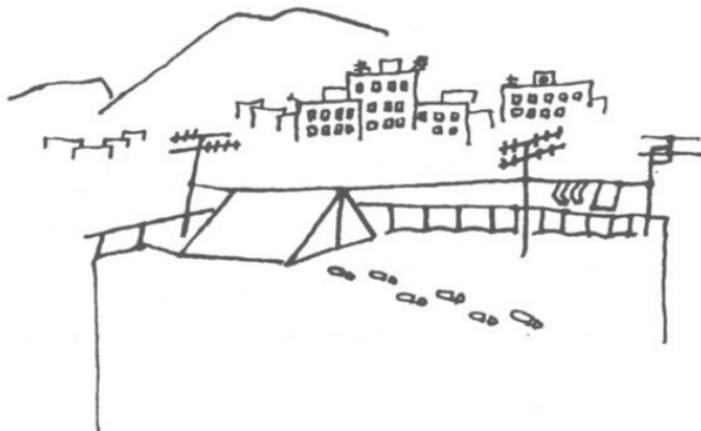
Ночью в квартире 5 градусов тепла. Мы с Вовкой спим в спальниках; хозяйева под одеялами⁷. Стены не держат тепло. Утром всем вставать не хочется. Дети включают электроплитку (штенселя нет, есть два провода, втыкаемые в стену) и над ней разогревают свои носки. Разогрели носки, одеваются и включают телевизор. Топят печь. Зимой в Армении тяжелее, чем летом.

С тяжёлым чувством мы покинули гостеприимных людей и весь недостроенный дом и отправились на встречу напротив иранского посольства. Появились Макс из Твери со своей напарницей Леной Крымской. От Москвы до Арма-

⁷ Я ездил в Индию с пуховым зимним спальником производства Алексея Ворова; этот спальник был самым ценным предметом в моём рюкзаке – он стоил тогда примерно \$100. Пуховый спальный мешок, пошитый А. Воровым в конце 1996 года, совершил со мной поездки и в южные, и в северные регионы, и сохранился в моём гардеробе до сих пор. Благодаря этому спальнику я не мёрз даже на самых холодных ночёвках, в квартирах, в палатке и во всяких недостроенных домах по дороге. – Примечание 2016 г.

вира они ехали всего сутки, а дальше их скорость понизилась. Появился и Хип – Сергей Смирнов. Остальных ждём. Гуляем по Еревану.

В следующий раз заночевали на крыше другого 16-этажного дома. Накануне была оттепель, мы (уже в новом комплекте: я + Макс) нашли удобную крышу, поставили палатку, тент... Решили было: весна. Повесили сушиться на проводах некоторые влажные вещи. Нашли дымовую трубу (это, видимо, вентиляция, а дым – следствие того, что армяне отапливают себя печками), поставили на неё ботинки – сушиться. Солнце и настроение были по-настоящему весенними. Вечером спустились в дом за кипятком, пили чай, а потом вернулись на крышу и легли спать. Тепло и сыро.

Ночью приморозило, и замёрзло всё. Палатка обледенела и примёрзла к крыше. Нижняя часть пухового спальника, пропитавшись водой, превратилась в кусок льда. Ботинки стали весить 2 кг каждый (было всего 1.3 кг), и ноги туда не влезали. Единственно сохранившимися предметами были мы с Максом. Встали в 8 утра. Солнце где-то всходило, но его не было видно – только вершина белоснежного Арарата порозовела. Потом уже целая половина Арарата покраснела, и наконец из-за противоположных ему восточных гор встало солнце.

С трудами отодрали палатку от обледенелой крыши. Втиснули ноги в ботинки, медленно собрались и отправились в дом за чаем.

Хозяева, приятные жители уютной квартиры четырьмя этажами ниже, впустили нас. Мы долго отогревались изнутри и снаружи, нас угощали чаем и печеньем, расспрашивали о жизни в Москве. Сам хозяин – бывший турист, хорошо говорит по-русски, и наверное, предложил бы нам остаться на вписку, если бы не обилие женщин и детей в квартире. Отогревшись, в 9.00 мы обулись, попрощались и отправились в город. Улицы были покрыты тонким слоем льда: последствие вчерашней оттепели.

Макс сказал, что оценивает этот ночлег в минус одну звёздочку. Я придерживаюсь лучшего мнения.

(У нас в нашей тусовке, в Академии Вольных Путеше-

ствий (АВП), принята традиционная классификация ночлегов (вписок). Вписка на ***** – место, где есть и еда, и кровать, и возможность помыться. Вписка на ***** – место, где есть только любые два из трёх упомянутых удобств. Трёхзвёздочная вписка обладает лишь одним: или только помыться, или только поесть, или только кровать. На вписке ** приходится спать на полу, приходит со своей едой, и мыться негде. Вписки * обладают ещё и неблагоприятными особенностями: например, там водятся вши или блохи. Ну, а «минус одна звёздочка» – изобретение Макса, показывающее его отношение к нецивильным видам ночлега.⁸⁾

Мы отправились в МИД Армении и посольство Нагорно-Карабахской Республики, желая продвинуть науку, а за-

⁸ По современной классификации, вместо кровати на пятизвёздочной вписке должен иметься интернет; но тогда об этом не помышляли. – Примечание 2016 г.

одно и разогреться ходьбою. В посольстве НКР выяснилось, что гражданам России для посещения НКР виза не нужна – хотя гэбисты в Степанакерте летом 1997 года утверждали обратное. Кроме того, мы увидели интересную карту НКР (официальную современную карту). Оказалось, что из освобождённых от азербайджанцев районов в НКР входят только бывшие районы Нагорно-Карабахской АО и ещё два дополнительных района (Лачинский и какой-то другой). Помимо этой территории, на карте были отмечены и другие «исторические армянские земли» (их было довольно много). Что же до Кельбаджара, Агдама, и других мест (подконтрольных армянам, и мы посещали их летом), оказалось, что это – территория Азербайджана!! – даже с точки зрения официальных лиц, сидящих в посольстве НКР.

Мы были удивлены. Посольская тётушка сказала, что упомянутые районы не входят в НКР, а составляют некую «зону безопасности». Впрочем, она не советовала посещать эти районы, потому как там небезопасно. Окончательно запутавшись, мы записали полученные разноречивые сведения и отправились в город.

Завершаю сие письмо в бане. Решили сходить в баню (это удовольствие стоит здесь 700 драм). Мыться за эти деньги может сколько угодно людей, но важно поместиться в один час и одну кабинку. Мы с Максом пошли вдвоём – экономия 50%.

Ждём своей очереди, употребляем мандарины (они здесь

стоят 200—300 драм), я пишу письмо.

Крепко обнимаю вас всех и шлю привет из заснеженной, холодной, дешёвой, бедной и гостеприимной Армении.

* * *

День, когда мы мылись в бане, завершился впиской по-научному. Вообще-то мытьё в бане в зимнем Ереване – весьма сомнительное удовольствие. Вода не весьма горячая, разбитое окно занавешено полиэтиленом, в котором имеется отверстие. После мытья Макс ещё больше желал попасть на тёплую вписку, которую я и обещал ему.

Выйдя из бани, мы шли по улице Комитаса. Вечерет. «Как же ты собираешься искать вписку?» – заинтересованно спрашивает Макс. «Посмотрим,» – отвечаю я. В ларьке покупаем шоколадку (турецкого производства). «Не подскажите, где здесь можно переночевать?» – спрашиваю у ларёчника. Тот отвечает: пройдите дальше по улице, там будет студенческий городок, общежития, называемые Зейтун, там и разберётесь... Мы идём по Комитаса и ищем этот Зейтун. Вот навстречу идут молодые люди. «Не подскажите, где тут общежития? нам переночевать нужно.» – «А вот они, эти общежития. В таком-то корпусе есть сторож такой-то, обратитесь к нему.» Вскоре мы подошли вплотную к общагам.

Десять огромных корпусов, не отапливаемых, кое-где с выбитыми стёклами, производили гробовое впечатление.

Вскорости в одном из корпусов мы нашли сторожа. Этот старик сидел в единственном тёплом помещении во всём Зейтуне. Электрическая печь и радио превращали каморку сторожа в райский уголок. Конечно, старик разрешил нам ночевать здесь. Однако нашим появлением заинтересовались сначала общажные, а затем городские проверяющие менты, которые почти друг за другом появлялись здесь, смотрели наши документы и расспрашивали нас. Каждый следующий милиционер сперва делал недовольное лицо, а затем благодушно прощал нас и удалялся. Когда милиционеры кончились, старик угостил нас чаем и хлебом (попутно он подрабатывал в общаге торговлей лавашем). Вскоре мы с Максом спали в уютной каморке, помня, что наука всегда побеждает.

Армянские ночёвки

Семь дней, проведённые мною в зимней Армении, в ожидании иранских виз, а также товарищей по путешествию, запомнились мне в основном многообразием форм ночлега. Я уже писал о ночлеге в палатке на втором этаже летнего кафе, в доме-недострое, на крыше высотки и в общагах «Зейтун». Вот ещё несколько картинок.

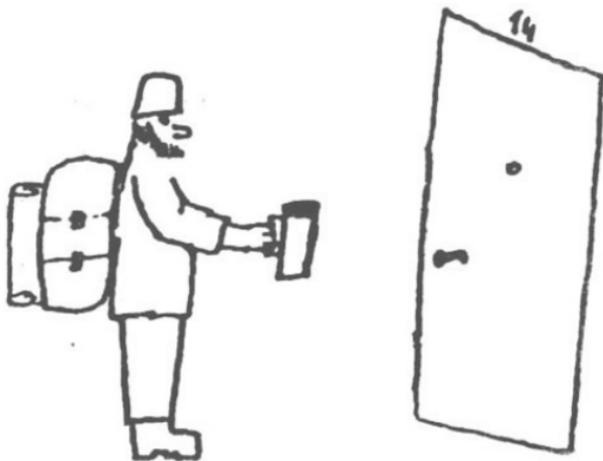
Тёплый зимний день. Мы, примерно вшестером, решили выбраться за город и переночевать в палатках на природе. Сели на электричку. Часть окон выбита и заменена жестяными листами, внутри сор, большое количество продавцов и среднее – пассажиров. Выехали за город и вышли на станции Сис. По дороге армяне старательно предлагали нам вписку, но мы собрались на природу и отклонили эти предложения.

И вот мы ставим палатки на берегу какой-то речки. Вокруг – никакого снега, только жёлто-коричневая прошлогодняя трава. Тепло, градусов пять. Лена Крымская ходит в шлёпанцах. Вечером бухнулись в палатки и уснули.

Ночью резко похолодало и пошёл снег! Смешная картина: заваленные снегом палатки, из-под снега виднеются рюкзаки и... шлёпанцы Лены Крымской! С ворчанием поднялись, попрыгали (холодно!) и отправились в деревню за ки-

пятком (волшебная кружка принесла нам, помимо кипятка, ещё и несколько конфет, подаренных местными жителями). Поскольку электричек из Сиса сегодня уже не ожидалось, мы пошли пешком в соседний Масис, откуда уехали в Ереван автостопом.

Другая картинка. Мы с Русланом (он прибыл 10-го февраля) едем за город – на этот раз в Масис. В кружке – недоваренная в прошлом очаге цивилизации гречка. Люди выходят из электрички и разбредаются по большому полю, в конце которого виднеются домики. Мы идём, озираясь, с кружкой в руках... «Что вы ищете?» – интересуется идущий рядом через поле местный житель. «Ищем, где бы кашу сварить,» – отвечаем мы. «Идём ко мне!» И вскоре мы сидим в гостях у нашего нового друга по имени Герасим на втором этаже деревянного дома-барака. Жена и двое детей его с интересом слушают историю нашего путешествия.

Историю самого хозяина мы тоже вскоре узнали. Герасиму 47 лет, сам он родом из Гюмри (Ленинакана), где и жил на седьмом этаже девятиэтажки. В момент армянского землетрясения 1988 г. он был на заводе, а жена, тёща и двое детей – дома. Дом разрушился, все погибли. Прежнее жильё восстановить было уже невозможно, и Герасим переселился в Масис, где получил квартиру в этом здании – как оказалось, бывшего детского сада. (В этом доме все приезжие. Например, соседка – беженка из Баку.) Здесь он обзавёлся новой женой и вновь воспитывает двоих детей, восьми и семи лет.

Вечером к Герасиму пришли, посмотреть на москвичей, бакинская соседка и приятель хозяина – Рафик. По случаю

нашего приезда хозяева устроили праздничный ужин и относились к нам, как к самым близким людям. Мы заинтересовались армянским алфавитом, и вместе с детьми Герасима увлечённо переписывали из букваря в тетрадь и изучали буквы.

Утром встали в 7.40, позавтракали и поехали в Ереван: хозяин на электричке ездил на работу, а мы с Русланом вновь пошли в известный уже нам парк напротив иранского посольства – встречать других стопщиков и узнавать, как дела с визами. Интересно, что наша кружка с недоваренной гречневой кашей так и не была востребована! Мы приехали в Ереван с полной кружкой гречки и доварили её в местном ресторане быстрого обслуживания (типа «Макдоналдс»).

Вообще люди в Ереване невероятно гостеприимны, а металлическая литровая кружка помогала нам найти общий язык с местными жителями. Приведу ещё один пример питания по-научному.

...Однажды вечером мы с Русланом и с большой кружкой ходили по холодному заснеженному Еревану и вновь мечтали о ночлеге. Наполнили кружку гречневой крупой и пошли выбирать квартиру. В бедных городах типа Еревана полезная квартира определяется по более дорогой двери (чтобы не объедать уж совсем небогатых людей), в цивилизных городах типа Москвы для всяких нужд такого рода надо, напро-

тив, выбирать дверь попроще.

В общем, выбрали квартиру побогаче и позвонили с кружкой: «Сварите, пожалуйста, нашу кашу!» Пока каша варилась, нас начали угощать другой многочисленной едой: местными пирожками, бастурмой и т.д., предлагали даже армянский коньяк, от которого я отказался. Когда наша каша сварилась, мы уже с большим трудом сумели съесть её. Ночлег нам не предложили, и мы ушли. Пошли в другую квартиру с той же кружкой: «Можно ли кипятка?» Пока кружка кипятилась, с нами опять подружились и позвали на ужин. Еда уже не лезла, но нас уговорили на суп... Мы вышли из квартиры, пошатываясь от сытости. Ночлег опять не предложили. «Третьей попытки я не переживу,» – сказал Руслан. «Я тоже,» – отвечал я, и мы пошли в третий дом и поставили палатку на чердаке, где и легли спать. В полночь пришла милиция, и нас увезли в отделение. Паспортов у нас не было (как раз накануне мы сдали их в посольство), и нас оставили на ночлег в почти тёплом кабинете с электрической печкой.

Наутро пришёл начальник милиции, и узнав о том, как мы сюда попали, спросил: «Вы что-нибудь нарушили? ну, там убили или украли чего-нибудь?» Мы ответили, что ничего не нарушили. «Ну так идите!» И мы отправились восвояси. Так выполнились все наши желания.

Летнее кафе вблизи иранского посольства тоже порой служило нам пристанищем. Были дни, вернее ночи, когда мы

спали там по четыре-пять человек.

Очень удобное место: поставил палатку на втором этаже и никто тебя не замечает! А наутро, вылезши из промёрзшей палатки, мы шли с кружками готовить себе утренний чай... [Кипятильников тогда у нас, кажется, не было; они вошли в АВПшный обиход во второй половине 1998 года.]

А как же остальные? Часть автостопщиков нашли себе пристанище на всё время ожидания визы. Это было так. Когда мы ещё только впервые встречались в парке напротив иранского посольства, к нам подошёл армянин средних лет по имени Ара и спросил, чем он может помочь. «Пустите нас на пару дней,» – ответили наиболее сообразительные. Бедный Ара не знал, что тусовка пробудет у него дома целую неделю, превратив и без того обшарпанную квартиру в штаб индоедов. Бывало поутру – восемь или девять человек, проводя ночи в каких-либо неотапливаемых местах, приходили к Аре на чай! К чести автостопщиков можно сказать, что Аре не пришлось покупать продукты на всю ораву: продукты, напротив, приходили к Аре сами и в больших количествах. Ара вынужденно бездельничал: как и нашим друзьям из дома-недостроя, ему некуда было ходить на работу. Он целыми днями смотрел старый телевизор и курил. Автостопщики ходили на базар на улице Комитаса и приобретали продукты, и Ара от голода не страдал. Но под конец даже такому спокойному человеку, как Ара, автостопщики надоели. Как раз к этому моменту наши визы созрели, и мы выехали. Спасибо

Аре за приют автостопствующих!

Пару раз нашим духовно просветлённым товарищам, Полковнику и Паше Марутенкову (это наши гонцы, отвозившие за всех анкеты в посольство), удалось найти пристанище в монастыре в 20 км от Еревана, в святом городе Эчмиадзине, где находится резиденция католикоса армянской церкви. На будущее сообщаю всем, что вписаться к армянским монахам довольно трудно – здесь вообще оказалось не принято (в отличие от России) принимать постояльцев. Впрочем, Полковник, озабоченный «святыми вибрациями», способен найти общий язык с представителями любой религии, и «бородатые гонцы» вписались и там.

Неделя в Ереване прошла медленно, неспешно, как полярная зимовка, когда главное – сохранить силы и тепло до наступления лета. Мы обошли весь Ереван, посетили Матенадаран (хранилище старинных манускриптов), Музей истории Армении и прочие достопримечательные места. Некоторые из нас съездили из Еревана в горы, а другие в Гори, где пытались найти рюкзак О. Матвеева, его паспорт или хотя бы таблетки. В Гори были вывешены объявления, предлагающие приз тому, кто вернёт утраченное. Но ни рюкзак, ни его содержимое, к сожалению, не были найдены.

Автостопщики прибывали постепенно. Появился Дима Назаров – оказывается, он выехал третьего. Замёрзший Руслан, весьма обрадовавший меня своим появлением, выехал шестого и появился в Ереване 10 февраля (виза ещё не была

готова). В тот же день мы с ним пошли по впискам, как было описано выше. Ранее, в Москве, я долго склонял его к мысли съездить в Индию. Наконец он собрался, но вот незадача – перед самым отъездом заболел. Мы стартовали без него и мысленно уже неоднократно пожалели об отсутствии нашего друга. Но он всё же выздоровел, шестого февраля бросился нас догонять и десятого уже появился в Ереване, к радости всего прогрессивного человечества!

А вскоре нашу компанию дополнил и наш питерский друг Костя Шулов, решивший по нашим стопам отправиться в Иран (ехать в Индию он не мог, страдая учёбой). Я регулярно звонил из Еревана в Москву, своим родителям, которые работали как связные, и через них мы знали, что Шулов едет вслед за нами. Однако, несколько дней назад в Тбилиси произошло покушение на президента Грузии Шеварднадзе, в связи с чем в стране было объявлено чрезвычайное положение и затруднён въезд и выезд. Мы узнали об этом теракте из телевизора в квартире Ары, который регулярно поставлял нам свежие новости. И всё-таки Шулов оказался непричастен к покушению на Шеварднадзе, благополучно вырвался из Грузии и достиг Еревана. Тусовки в парке напротив иранского посольства становились всё более многолюдными. Местные старички, регулярно играющие в шахматы (в перчатках и в пальто) и совершающие прогулки по зимнему парку, уже узнавали нас...

Наконец зимовка в Армении подошла к концу. Тринадца-

того февраля мы все (кроме поздно приехавшего Шулова) получили вожделенные транзитные иранские визы!

При получении виз один из нас утратил сто долларов. Он, для сохранности, положил их под обложку своего загранпаспорта – и забыл! Видимо, кто-то из работников посольства нашёл и присвоил их. Однако иранские посольщики, несмотря на эту неожиданную доплату, вместо ожидаемых 10-дневных виз выдали нам пятидневные. Теперь мы должны очень быстро добраться от границы до Тегерана (вероятно, даже с применением автобуса), быстро получить пакистанские визы и по возможности продлить наши иранские, если это будет возможно.

Письмо четвёртое. Армения, автобус на Кафан, 14.02.98

Привет, господа родители!

Вчера взяли визы и поехали электричкой в Ерасх. Там же пытались пройти в Нахичевань, чтобы оттуда, через Джульфу, перейти в Иран – тем самым мы бы существенно укоротили наш путь. Наша робкая попытка поставила на уши весь фронт. Перейти нам не дали. Ночевали у военных (вдесятером). Утром выехали на Мегри – той же дорожкой, что и в прошлый раз. Сейчас едем в автобусе на Кафан.

Истории с электричкой и с Нахичеванью достойны отдельного повествования. (Сейчас, в книге, я позволю себе включить эти истории в текст письма, где их первоначально не было). Итак...

Мы сели в электричку на Ерасх, где и планировали перейти границу, а в случае неудачи – отправиться другим, более традиционным, но и более длинным маршрутом через Мегри. Нас провожал Костя Шулов, так что ехали мы в числе 11. В электричке содержался усач кассир, он пытался собрать деньги с нашей весёлой компании. Помощник кассира, коротенький мужичок, без какой-либо формы (как и первый), занимался тем же. Шулов возмущался, кричал, что не будет платить и требовал от нас, чтобы никто не подда-

вался. Но всё же я прошёл с шапкой, в которую все «индоеды» накидали оставшиеся у них драмы, всего около 1500. Эту шапку мелочи я и презентовал кассиру. Кассир кропотливо пересчитал этот мусор и сказал, что нужно ещё примерно столько же. Тогда я взял шапку обратно и прошёл сперва среди автостопщиков, а затем по всему остальному вагону, собирая с других пассажиров деньги на наш проезд. Весёлые армяне, заинтересованные процессом, весело смотрели мне вслед, но подавали плохо. Кассир строго ждал развязки событий. Наконец, я вторично выдаю кассиру содержимое шапки – около пятисот драм и... несколько сухарей.

– Мало! – не унимается кассир. – Иди в другой вагон, там собирай!

Под общий хохот я удаляюсь в другой вагон. Но и там сборы были незначительны.

– Это всё?? – недовольно спрашивает кассир (все собранные нами деньги образуют толстую пачку мелких бумажек у него в руках.)

– Всё.

– Сколько вас?

– Одиннадцать.

Тут кассир поступил и вовсе нетривиально. Он уже отсортировал наши подаяния, и отсчитав из нашей пачки одиннадцать купюр по 10 драм. Раздал всем по одной.

– Это вам на сувенир. Езжайте.

Весь вагон смеялся.

...Мы пришли в расположение армянских войск вечером. Удивлённые солдаты, парни лет восемнадцати, вылезли из блиндажа. Десять человек пытаются перейти линию фронта! Одиннадцатый из нас, Шулов, планировал провести в Армении ещё несколько дней в ожидании иранской визы и покинул нас незадолго до того. Позвонили начальнику (по допотопному «крутильному» телефону: в одну дырку надо и говорить, и слушать, и при этом ещё крутить ручку-генератор, а вот никакого диска или кнопок нет, связь через телефонистку). Начальник тут же приехал на мотоцикле и пройти нам не разрешил, но мы имели возможность за окончательным разрешением позвонить командиру полка, сидящему в 20 км от нас.

Темно. На трассе, по которой восемь лет никто не ездил, лежит десять рюкзаков. Уже собралось несколько любопытных. Я у телефона – жду, пока меня соединят с начальником полка.

– Это невозможно. Это абсолютно невозможно. Чтобы попасть в Нахичевань, вам придётся пересечь линию фронта. Здесь за восемь лет войны никто не переходил живой! – донесся далёкий голос из «крутильного» телефона.

Вскоре подъехал (уже на машине) ещё один промежуточный начальник и изрёк исторические слова:

– Если бы даже начальник штаба полка дал бы приказ пропустить (а он человек ещё молодой, недавно назначен...),

я бы всё равно приказал вас стрелять. Лучшие, чтобы это сделаем мы, а не на той стороне. Потому что если вас здесь убьют, ваши тела можно хотя бы отправить. Домой. А когда вас там убьют, а это стопроцент, ваши тела и отправить никуда будет невозможно.

Ситуация оказалась сложнее, чем мы думали. Один из наших друзей, рассказывавший о некоей группе туристов, переходивших в Нахичевань, по всей видимости, перепутал Нахичевань с Абхазией. Здесь армянские и азербайджанские позиции довольно далеко друг от друга – не докричишься, но каждый человек, пытающийся перейти линию фронта, воспринимается как шпион-диверсант на противоположной стороне. Вместо посещения Нахичевани военные предложили нам поужинать и переночевать у них, каковым предложением мы и воспользовались. За ужином, к сожалению, основным продуктом была водка.

Совершенно замечательный был ночлег в «десятиспальной кровати». Нам постелили на полу в огромной комнате большого нетопленного дома, температура внутри которого не превышала 0°C. Даже ужинали мы в шапках, а кое-кто и в перчатках. Нам навалили целую гору подушек и одеял. Добавив ещё до кучи и свои спальники, мы улеглись и проспали до утра. Ночью заснувшие солдаты, узнав, где мы «расквартировались», стучались в окна и пытались выманить Крымскую. «Дэвушка! дэвушка! ыды сюда!»

Мы отвечали, что дэвушка спит. Утром поднявшись,

мы поблагодарили вписавших нас офицеров и направились на трассу, чтобы продолжить путь на Ехегнадзор – Сисиан – Кафан – Мегри – Иран.

После ночлега в Ерасхе наш Полковник умудрился всех насмешить своей «левитацией» и «глазами». Чтобы было понятнее, вернёмся ещё раз во вчерашний вечер.

Ситуация 1. Мы, всей толпой, бодро идём по пустынной трассе в сторону Нахичеванской границы. Вечер, холодает, я стараюсь идти быстрее. Полковник, заметив это, изрекает:

– А ты знаешь, как ходят тибетские монахи? Они за двое суток проходят весь Тибет!

– Как это они так делают? За двое суток Тибет и бегом не пробежишь!

– Не обходится здесь без левитации... – отвечает Полковник загадочно.

После того, как пройти в Нахичевань не удалось, наутро мы отправились в Иран объездным путём, через Мегри. Я в паре с Русланом, все остальные тоже разбились попарно, только двое, Максим и Полковник, решили ехать поодиночке. Трасса пустынна. Через час почти все уехали, кроме нас с Русланом и Полковника. Полковнику надоело стоять, он отправился пешком по трассе в сторону следующей деревни (до неё было 8 км) и вскоре скрылся из виду.

Последними, на «Волге», уехали мы с Русланом. Едем,

вскоре проезжаем бодро идущего Полковника и обгоняем его.

Через несколько часов нам с Русланом удаётся догнать остальных – почти вся наша компания едет в Сисиан в одном «Рафике». Макс, едущий в «Камазе», и Полковник, идущий пешком, остались далеко позади. В метель выгружаемся на Сисианском посту ГАИ. Нас встречает... Полковник! Ничего себе! Ведь никто нас обогнать не мог! Сразу вспомнились вчерашние тибетские монахи, за двое суток проходящие пешком весь Тибет...

– Что, Полковник? Не обошлось без левитации?

– Да, какая левитация... За четыре доллара такси взял.

Ситуация 2. Сидим, спрятавшись от метели, на посту ГАИ в том же Сисиане. Это не совсем ГАИ, а МР – Military Police (военная полиция). Главный полицейский, Агабек, интересуется:

– А в других странах как? Какой язык знаешь?

Полковник тут же изрекает с очень серьёзным видом:

– А вы знаете, что восемьдесят процентов информации передаётся через глаза?

Общая минута молчания. Все переваривают «информацию».

Я едва удерживаюсь от смеха.

В последующее время фраза Полковника про восемьдесят процентов стала крылатой затычкой на все разговоры. К месту и не к месту мы вспоминаем эти восемьдесят

процентов.

Итак, мы сидели и грелись на придорожном посту, а часа через два Дима Назаров вышел фотографировать метель и обнаружил стоящий у поста заснеженный автобус-Икарус, в котором мы и поехали в Кафан. Поехали все, кроме бородатого Паши Марутенкова. Не имея загранпаспорта, он провозжал нас лишь до сего места. Отправив нас, он ушёл в Сисиан к своим друзьям.

Дорога очень красивая, но труднопроходимая зимой. Высота 2000 (и даже до 2500 и более). Всё завалено свежим снегом, а под ним – гололёд. Горные серпантины. Дорога застрятая. Уже один раз застряли – не могли подняться на перевал. Еле-еле достигли успеха. Сейчас перед нами пробка неведомых размеров; падает густой снег и вероятность сегодня успеть в Мегри равна нулю. Скоро стемнеет. Если занос не расчистят и пробка не рассосётся, заночуем в восьмером в автобусе.

Снег валит сильно.

В Армении – необычно холодная зима. Во всей стране нет отопления. Электричество дорого, дрова тоже. В самой тёплой ситуации натапливают одну комнату в доме градусов до пятнадцати. Во всех домах одно и то же. Вся одежда и вещи отсыревают, замерзают, сохнут и опять сыреют.

Но мы соблюдаем правила мудрейшей жизни и продвигаемся вперёд. Люди очень доброжелательны и готовы вписать нас в свои холодные квартиры и дома. Водители дру-

желюбны. Цены на продукты незначительны. Нахичевань непроходима. Взаимоотношения в группе хорошие, ещё ни с кем конфликтов не было. Сейчас занос на дороге, но мы с оптимизмом ожидаем... (весны, когда этот снег начнёт таять...) Повезёт – затор рассосётся, и мы заночуем уже в Кафане.

18.00 армянского времени, автобус на Кафан.

Ожидаем войти в Иран 16.02, послезавтра, в понедельник.

До встречи в следующем письме.

Через снежные перевалы Армении – к тёплому Ирану

«Движение автостопщиков – дело рук самих автостопщиков»: таков итог нашего прохождения дороги на Кафан 16 февраля. Снегопад усилился. Пассажиры-мужчины начали вручную заталкивать «Икарус» вверх на перевал. Поскольку толкать одновременно могли не более двадцати человек, остальные бегали вокруг. Одни накидывали ветки и палки под колёса, другие лопатой пытались счистить снег с асфальта, третьи попутно заталкивали в гору прочий, преимущественно легковой транспорт. Иранские водители надевали цепи на колёса своих грузовиков. «Икарус» никак не разогнался, колёса со свистом растирали снег на одном месте. Иногда удавалось пройти метров пять. Так в течение двух часов интернациональная толпа пассажиров заталкивала автобус на перевал. Стемнело. Когда наконец автобус приобрёл самоходность, он разогнался и ехал до вершины перевала, а мы все бежали за ним километра два. Там все погрузились в автобус и со свистом поехали вниз.

Пассажирам было не до смеху: в прошлом году, говорят, во время такой вынужденной ночёвки в горах умер один ребёнок – от переохлаждения. Для нас же это было интересное приключение, и в перерывах между толканиями мы бегали

вокруг автобуса и фотографировали его в разных ракурсах.

Когда же мы-таки прибыли в заваленный снегом город Кафан, водитель в дополнение ко всему захотел ещё и денег. Это желание водителя мы удовлетворили, хотя за участие в ударном труде по спасению автобуса можно было и освободить нас от оплаты. Жители Кафана, озабоченные нашей судьбой, стали предлагать нам ночлег. Вписать всех вызвался некий мужчина, ехавший в этом же автобусе: четверо, по его желанию, отправились ночевать с ним к его тётке, жившей в обычной городской квартире 9-этажного дома неподалёку, а оставшейся четвёрке он велел подождать, когда он вернётся и отведёт их в другое известное ему место – веро-

ятно, к другой тётке.

Однако, гостеприимная тётушка, несмотря на наличие других людей в семье, узнав, что четверо других путешественников остались ждать на улице, потребовала привести и их! Так мы ввосьмером вписались в обыкновенную двухкомнатную квартиру к незнакомым доселе людям, и долго согревались и сушились у имеющейся там жарко натопленной железной печи. В довершение ко всему, нас накормили ужином, и мы разложились спать в одной из комнат, вновь мысленно благодаря Бога, трассу и гостеприимных армян.

* * *

Кстати, представим себе такой же случай, но с другой стороны. Это тест для вас, читатель. Москва (или другой – ваш – город). Поздний вечер. Зима. К вам приходит ваш родственник и приводит на ночлег четверых замёрзших кавказцев (от 18 до 47 лет), с которыми ехал в одном автобусе. Ваши действия:

- 1) прогоним всех вместе с родственником;
- 2) впишем только родственника, а армян прогоним;
- 3) впишем всех, «раз уж пришли»;
- 4) узнав, что на улице остались ещё четверо, позовём и остальных.

Кто из нас, подобно нашим соседям с юга, с чистым сердцем выберет п.4?

На другое утро, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы продолжили путь на юг. Город, дорога, все здания и деревья были покрыты снежными шапками и коврами после вчерашнего снегопада. Движение машин в сторону следующего города – Каджарана – было незначительно. Разделившись на несколько пар, мы всё же поехали. Четвёрку «мудрецов» – Полковника, Вовку, Руслана и меня – подобрал «КраЗ» с металлическими болванками в кузове. В этот же засыпанный снегом кузов сели и мы. Езда в кузове зимой на высокогорьях – занятие восхитительное! Всё сияет от солнца. Далеко внизу, а также и далеко вверху, виднеются какие-то дороги, которые оказываются нашей же извилистой дорогой. Медленно ползут иранские грузовики, звеня цепями, надетыми на колёса. Они боятся нас и в чужой стране подсаживают плохо. Дымят печки, домишки, городишки. Сменив пару машин, мы добрались до Каджарана, откуда, перевалив самый большой на этой трассе перевал, спустились в солнечный, тёплый и южный, совершенно бесснежный городок Мегри.

(Кстати, сейчас планируется строительство 25-километрового тоннеля Мегри—Каджаран. Оплачивать будет, в основном, Иран – в Армении таких денег нет. Так что, возможно, лет через двадцать узкая, опасная высокогорная

дорога Каджаран—Мегри будет иметь лишь историческое, а не транспортное значение.⁹⁾

Вскоре все восемь автостопщиков встретились на городской площади в центре Мегри, на той самой площади, где полгода назад я ожидал своих друзей по дороге в Иран. Там же один из армян спросил меня: «А какой ты народ, если не понимаешь по-армянски?»

Единственно отсутствующим среди нас сегодня был невесть куда пропавший Максим. Мы думали, что он отстал, попал в пургу и не смог вчера пробиться даже до Кафана. Интересно, что в действительности Макс опередил всех нас, проскочил на «Камазе» мимо Сисианского поста ГАИ в тот момент, когда мы все там одновременно грелись, и уже перешёл армянско-иранскую границу! Мы же решили сделать это позже – в районе часа ночи, чтобы иметь в паспортах уже «завтрашнюю» дату въезда в Иран – 16 февраля.

По-весеннему светит солнце. Казалось, что все вчерашние приключения: обледенелые трассы, левитирующий Полковник, (см. выше про левитацию), двухчасовое толкание «Икаруса» вверх на заснеженный перевал, тёплая печка в Кафане – всё это было в другом мире, в другую эпоху. Мегри находится в горном ущелье, а наверху, на скалах, видны остатки древних башен и стен. Раньше здесь была крепость. В самом посёлке обнаружилась старинная церковь: судя по табличке, 1673 года постройки. Осмотрев и сфото-

⁹ Но вот прошло 18 лет, тоннель так и не построен! – Примечание 2016 г.

графировав её, мы с Русланом и Полковником направились в хлебную лавку.

– Здравствуйте! Можно у вас хлеб купить на российские?

– Сколько у вас? Мы поменяем.

– Мне только на хлеб, полторы тысячи [до деноминации 1998 г; с 1998 года это считалось – 1 руб 50 коп.].

– Нет, так мало мы не меняем. Тысяч пятьдесят – другое дело.

– Я не могу столько обменять. Может, вы мне бесплатно хлеб подарите?

– Ну, возьмите.

Запасшись хлебом-лавашем, мы направились с кружкой в руках вверх по узким улочкам, ожидая встретить дом, где мы попросим кипятка, а получим и другие блага.

В доме, который мы избрали объектом нашего «покушения», проживали двое – старичок и старушка. Проживали они настолько бедно, что мы даже постеснялись брать предложенные ими скромные конфетки. Попили чай, побеседовали, Полковник, в своей учительской манере, породил советы по сельскому хозяйству. Попрощавшись со старичками, мы направились в последний посёлок перед самой таможней, в 12 километрах к западу от Мегри – посёлок Агарак. Он находится вблизи двух границ – иранской и нахичеванской. Мы как раз объехали Нахичевань кругом и подошли к ней с другой стороны, но соваться туда вновь никто из нас уже

не хотел¹⁰.

* * *

В Агараке уже не было так тепло и празднично, как в Мегри. Дул холодный горный ветер, перегоняя по нескольким улочкам посёлка, как по трубам, прошлогодние листья и нас, путешественников. Старый лозунг на ветхом доме сообщал всему миру, что всё ещё «НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ». Совсем рядом, в сотне метров от нас, колючая проволока и река Аракс отделяли постсоветское пространство от всего остального мира. Мы боялись, что наше шатание в Агараке вызовет подозрения местных пограничников, но ничего такого не случилось. Спасаясь от ветра, мы взяли в руки нашу кружку-кормилицу...

– Здравствуйте! Можно у вас кипятку попросить?

Озадачив семью армян такой просьбой, мы всё же получили искомое, и выйдя из дома, сели во дворе употреблять чай с мегринским лавашем. Как оказалось, хозяева с любо-

¹⁰ Нахичевань во все последующие годы так и осталась «анклавом», отдельным кусочком территории Азербайджана, не достигаемым по земле из остальных территорий СНГ. Больше двадцати лет я путешествовал по территориям бывшего Союза, и так и не побывал в Нахичевани. И только в апреле 2012 года мне удалось съездить в Нахичевань со стороны Турции, и обратно выехать туда же. Так что я побывал по другую сторону фронта – с азербайджанской стороны, и азербайджанцы так меня и не убили, вопреки мрачным предсказаниям соседей-армян. – Примечание 2016 г.

пытством смотрели на нас из окна своего второго этажа. Наш «пикник на обочине» был замечен, и нас позвали в дом, где мы продолжили питьё чая, но уже в более комфортных условиях.

Мы быстро подружились с хозяевами. Те включили видеомагнитофон – как раз фильм про Индию. Романтический фильм, всё красивое, нарядное, в цветах, никто на тротуаре в туалет не ходит, калеки своими обрубками белых мистеров не хватают, женщины из окон автобусов не блюют, верблюды дорожное движение не засоряют, водители деньги за проезд не просят, райская страна. Впрочем, тогда нам ещё не с чем было сравнивать увиденное.

Пока смотрели, ели-пили (хозяева очень душевно нас укормили) – хлоп! погас свет. Чтобы не обременять хозяев, решили потихоньку откланяться и уйти, но свет опять появился и мы занялись досматриванием фильма, допиванием чая в чайнике, доеданием сахара в сахарнице и хлеба в хлебнице. Через пятнадцать минут опять: хлоп! света нет.

Пока вторично собирались, нашаривали свои вещи, обувались, свет опять включили. Так повторилось ещё пару раз. Наконец, фильм кончился, и мы, поблагодарив хозяев за тёплую встречу и ужин, отправились – уже ночь на дворе – из Агарака вниз, к Государственной границе СССР, ища таможню.

Было совсем темно. Мы с Русланом сбились с дороги, слегка заблудились и шли, спотыкаясь и проваливаясь в лу-

жи, держа курс примерно на запад. В нескольких километрах отсюда должны были начаться минные поля на границе с Нахичеванью, и забрести туда нам не хотелось. Наконец, мы почувствовали асфальт под ногами и шум реки слева – это, должно быть, пограничная с Ираном река Аракс. Пока мы шли по этому асфальту и искали таможню, а она километрах в полтора от Агарака оказалась, подъезжает машина (мы буквально в метре от колючей проволоки идём, темно, слева, до заграницы доплюнуть можно) – вах! машина пограничников! Что нормальный пограничник подумает, увидав странных людей с рюкзаками, ночью, в метре от колючей проволоки? Правильно, заблудились, таможню ищут, она вон там, видите огоньки? там она и есть.

Входим в Иран

На границу пришли в полночь. Пять дней, которые мы можем провести в Иране, отмеряются с даты въезда. Въехал в шесть утра – в твоём распоряжении остаётся 4 суток и 18 часов. Въехал в одиннадцать вечера – у тебя 4 суток и один час. Поэтому мы собирались въехать в час или два ночи по иранскому времени, благо граница открыта круглосуточно.

Российско-армянская бригада пограничников пропустила полуночных странников без лишних вопросов, поставив в паспортах разные даты выезда – одним 15-е, другим 16-е. От пограничников мы узнали, что неожиданно скороходный Макс (обошлось, впрочем, без левитации) въехал в Иран ещё утром, 15-го февраля!

Вот он, мост через реку Аракс... сонные, усатые иранские пограничники, съёжившиеся на холодном ветру...

Таможня. Пустая, как склеп. В окошках медленно просыпаются иранские таможенники. Включают сонный компьютер. Как бы не забыли, что сегодня уже наступило завтрашнее число! По-английски никто не говорит. Тыкаем пальцем в часы, в паспорт, в настенный календарь. Ну! ну! врубитесь же кто-нибудь! Один особо догадливый иранский солдат берёт перекидной календарь и переворачивает страничку. Ура – нас понимают!

На стене иранской таможни мы обнаружили информационный щит с надписями на четырёх различных языках. Все они имеют одинаковое содержание. Цитирую русский вариант (орфография оригинала сохранена):

Внимание. Приход Валюта безограничений в страну разрешено

Исламский Республика Ирана Таможная инструкция.

Таможная внутренняя инструкция для Пассажиров.

(1). Приход Валюта в пассажиром бесконечном в страну разрешено, только во время приход выявить Банковий декларация и количество валюта.

(2). Вывоз Валюта в Туристом или Пассажиром, нужно иметь Валютная декларация или отметится в Паспорте на этот количестве разрешено.

(3). Продажа Валюта в Туристом для обеспечения покупка на Риала можно через Банка в стране осуществляться.

Всё просто и понятно, хотя и неграмотно. Нам бы так научиться на фарси – не было бы проблем!

Не меньше часа уходит на досмотр. С неподдельным интересом рассматривают наши кружки, спальники, карты. Первого человека смотрят, по обыкновению, весьма тщательно. Второго – уже легче, последним достаточно открыть свои рюкзаки и закрыть их. Такая же методика проверки на остальных таможнях (если вообще смотрят). Даю бес-

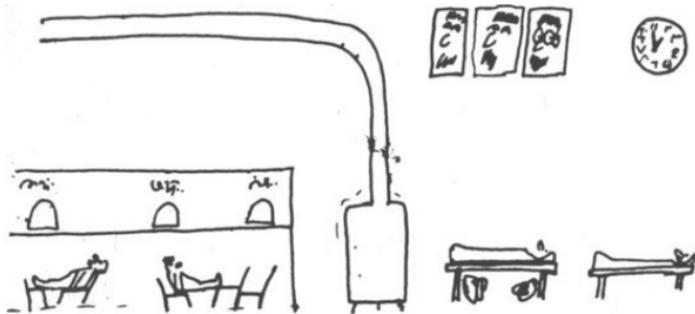
платный совет: хотите провезти контрабанду в любую страну – поезжайте группой человек в двадцать туристов и положите контрабанду на дно рюкзака девятнадцатого. Первого, второго, и, может быть, последнего обыщут, а у предпоследнего даже рюкзак не будут открывать.

Но вот обыск закончен. Мы все получили жёлтые бумажки – полицейские регистрационные карточки, которые мы должны сдать на выезде из Ирана. Там, в частности, написано: если вы хотите остаться в Иране на постоянное жительство, вы должны подать заявление об этом в течение 8 дней с момента въезда. Спасибо за заботу, обязательно подадим.

Поскольку транспорта ночью нет, иранцы предлагают нам переночевать прямо в здании таможни, на тех больших обитых железом столах, где только что рассматривался наш багаж. Мы с удовольствием принимаем предложение – первая вписка на иранской земле! – и достаём спальники.

Компьютер выключают. Иранские солдаты погружаются в сон. Засыпаем и мы, развалившись на металлических столах-расправилках таможни на Noordoos Border. Урчит-гудит большая металлическая печь.

Так мы въехали в Иран.

* * *

Наутро восемь автостопщиков (Алексей-полковник, Руслан, гортексы Дима и Данила, Владимир, Лена Крымская, Сергей-хип и я) покинули здание таможни и вышли на трасу. Встречу в Тегеране назначили назавтра – в 10 утра напротив пакистанского посольства. До Тебриза решили ехать автостопом, а дальше – на автобусе для экономии времени – виза-то всего на пять дней! Поскольку было ещё довольно холодно (по долине реки Аракс, как по трубе, дул зимний ветер), мы в ожидании машин разбрелись по дороге пешком, подстапливая машины на ходу. Дорога лучше, чем в Армении: ровная, гладкая, с аккуратными дорожными знаками. Вскоре мы уже в Джульфе-иранской. На том берегу Аракса – Джульфа-нахичеваньская, в которой нам так и не удалось побывать.

Здесь, в этом уголке Ирана, основное население – азер-

байджанцы. Некоторые из них некогда жили в СССР, помнят русский язык. Основное занятие таких эмигрантов – торговля. Из Ирана в Нахичевань, в Азербайджан и в Армению везут всё: бензин, стиральный порошок, еду, газовые плиты... В соседнем с Джульфой городке нас вычислили некие русскоговорящие люди, предложившие нам обмен валюты. Мы с удовольствием обменяли. Здесь деньги меняются только с рук – это на 70—90% выгоднее, чем «через Банка в стране осуществляться». За один доллар дают примерно 5000 риалов; в банке – всего 3000.

Мы почему-то едем в тройке: Руслан, Полковник и я. Вот мы уже в Маранде. Помню, как полгода назад я впервые оказался здесь. Теперь всё родное, знакомое, и так же, как и полгода назад, нам попался по дороге на Тебриз водитель-деньгопрос.

Всю дорогу мы пытались объяснить водителю нашу сущность, но он или не понимал, или не хотел понять её, и когда мы приехали в Тебриз, потребовал денег. Мы с Русланом продолжали объяснять нашу сущность, но Полковник не выдержал и вытащил из кармана деньги, которые быстро перекочевали в карман водителя. Поворчав на водителя и на Полковника, мы направились в центр Тебриза.

Что отличает иранские и «совковые» города по ту сторону границы? Иранцы очень деловитый народ. Всюду все что-то делают: торгуют, строят, чинят, красят, варят... Кстати, нас очень насмешили огромные варёные свёклы и моркови,

предлагаемые в пищу на улицах Тебриза. А вот в соседних «советских» городах и сёлах – депрессия. Большинство людей сидят в своих холодных квартирах, смотрят старые чёрно-белые телевизоры и ждут перемен...

На автовокзале мы встретились с Хипом, Владимиром и Леной Крымской.

Они пили чай и жаловались на дороговизну оного. Чай и впрямь в этом месте был дороговат. Мы купили билеты на автобус (хотелось, конечно, проехать эти 700 километров автостопом, но пятидневная виза не позволяла нам расслабляться) и вскоре уже ехали в Тегеран. Лена Крымская непрерывно кашляла, простудившись уже давно, на холодных вписках в Армении. В пять часов утра, 17 февраля, мы прибыли в иранскую столицу.

Тегеран. Даёшь пакистанскую визу!

После «холодной зимовки» в Армении светящийся миллионом огней Тегеран, с горячей водой в туалетах и дешёвой едой в магазинах, показался нам апофеозом цивилизации. Мы добыли кипяток, еду и сидели, отогреваясь и ожидая восхода солнца, в огромном здании западного тегеранского вокзала. Люди, видя нашу весёлую компанию, собирались вокруг нас кучками, рассматривая и пытаясь заговорить.

На рассвете мы вышли в город. Обилие машин, «настенная роспись» (портреты героев ирано-иранской войны, портреты имама Хомейни, патриотические и исламские лозунги на заборах стенах домов) – всё это было так по-домашнему для меня и так неожиданно другим путешественникам. В десять утра все мы, кроме безвременно пропавшего Макса, собрались у входа в пакистанское посольство на улице доктора Хусейна Фатеми.

Там нас встретил наш тегеранский знакомый Камран. Он учится в Петербурге (и, соответственно, прекрасно знает русский язык) в одной группе с нашим Костей Шуловым, а сейчас приехал домой на каникулы. Камран, ещё в России, помог нам в отношении полезных слов и фраз на фарси, ко-

которые мы записывали месяц назад под его диктовку. Теперь, приехав в Тегеран, Дима с Данилой вызвонили его, и Камран приехал пообщаться и посмотреть на нас, получающих визу.

Требования к желающим получить транзитную визу, о которых я узнавал ещё в августе 1997 года, в ходе предварительной поездки в Иран, – остались прежними: рекомендательное письмо от российского посольства к пакистанскому посольству, одна фотография и 170.000 риалов. Дима и Данила были очень активны – они озарились идеей немедленно ехать на такси в российское посольство за письмом, надеясь обернуться за час (не то в одиннадцать, не то в полдень пакистанское посольство закрывалось). Взяв такси и все наши паспорта, они отправились к нашим соотечественникам¹¹.

Как только гортексы ушли, появился уже оплакиваемый нами безвременно пропавший шахматист. Макс, утраченный нами три дня назад, поведал о своей судьбе. Прорвавшись на «Камазе» через снегопад в тот час, когда мы сидели,

¹¹ Кстати, у нас тогда ещё не было справок собственного, АВПшного производства, о том, что мы – «великая экспедиция». Такие справки («дорожные грамоты») вошли в обиход со второй половины 1998 г., а пока что печати «АВП» у нас не было. Вместо этого, ещё перед выездом из Москвы, была составлена бумага, что наш проект – экспедиция Московской школы Автостопа и Географического факультета МГУ (по предложению учащихся там, такой текст и был составлен). Однако, печати Геофака МГУ впопыхах перед отъездом поставить на справки не удалось; поставили лишь печать Московской Школы Автостопа (Валерия Шанина). Так что, юридически говоря, именно Валера Шанин может пожинать лавры «организатора» индийской экспедиции! Итак, именно это письмо от Шанина «Гортексы» повезли русским посольщикам, чтобы подтвердить нашу благонадёжность и получить уже их письмо для пакистанцев. – Примечание 2016 г.

греясь, на военном дорожном посту в Сисиане, Макс перешёл границу ранним утром 15-го февраля, удивляясь на наше отсутствие. Вчера, 16-го, никого не найдя вблизи пакистанского посольства, Макс и вовсе расстроился, и не сделав даже попытки получить пакистанскую визу самостоятельно, отправился по Тегерану в поисках дешёвых сладостей и отеля. Найдя гостиницу за 12.000 риалов (2.5 доллара), Макс вновь обрёл утраченное ранее счастье, а на следующее утро отправился вновь к посольству, куда пришёл с некоторым опозданием и обнаружил нас. Мы направили Макса в российское посольство, чтобы он успел включить и своё имя в созревающее там рекомендательное письмо.

Через несколько часов, действительно, Дима с Данилой вернулись обратно с письмом. Рекомендательное письмо представляло собой лист бумаги примерно с таким текстом (на английском языке):

«Российское посольство в Тегеране шлёт привет пакистанскому посольству в Тегеране и просит выдать транзитные пакистанские визы гражданам Российской Федерации таким-то (перечень граждан и номера паспортов). Примите наши уверения в любви к Пакистану вообще и к Вам в частности. Подпись. Печать. Дата.»

Максим тоже успел включить своё имя в Письмо, но поскольку пакистанское посольство уже никого не принима-

ло, мы договорились о встрече здесь назавтра и разбредлись по городу. Поскольку наше пребывание в Иране уже затягивалось (завтра пойдёт третий день из пяти дозволенных), несколько человек отправились искать в городе отдел продления виз. (Камран отправился домой, пообещав подойти к пакистанскому посольству завтра утром.) Продляющее визы отделение МИДа, называемое «Атпо хориджи», было нами обнаружено только после долгих поисков и узнаваний. Оказалось, что для продления визы нужно будет завтра, в 8 утра, зайти сюда и получить специальные анкеты, а на другой день прийти ещё раз и сдать вместе с паспортом целый ворох бумаг: ксерокс первого разворота загранпаспорта; ксерокс того разворота, где находится действующая иранская виза; квитанцию об оплате некоторой суммы – в нашем случае это было 10.000 риалов (два доллара), которые нужно будет заплатить тогда же, утром, в строго определённый банк; ксерокс этой квитанции об оплате, два экземпляра заполненной нами анкеты; две фотографии.

Нам нужно было провести все процедуры очень быстро. Получалось, что мы можем подать документы на продление визы только на 4-й день нашего пребывания в Иране (ибо завтра мы могли только взять анкеты, а сдать паспорта не могли! нам же нужно было получать ещё пакистанскую визу!) А для Максима, приехавшего в Иран на день раньше (и не озаботившего себя продлением визы или получением пакистанской визы в наше отсутствие), это был вооб-

ще пятый, последний день. Чтобы не растеряться и не тратить время на поиск ночлега, мы почти всей компанией направились в «Максов» отель, находящийся в центре города, на улице Фирдоуси, являющейся традиционным местом торговли всевозможных денежных менял. Это было очень кстати – перед завтрашним походом в посольство нам надо было наполнить карманы огромным количеством местной валюты (по 170.000 на человека) – и мы доставили удовольствие многим обменщикам.

* * *

Обмен валюты по-ирански. По длинной улице (это одна из центральных улиц, вблизи неё находятся русское, английское и другие посольства) бродят несколько десятков иранцев, которые, видя в толпе иностранца, начинают ворковать: – Мистер? доллар? мани чейндж? чейндж-доллар?

Как только вы заинтересуетесь, меняла достаёт калькулятор (или одалживает его у своего соседа) и вы начинаете торговаться. На калькуляторе последовательно возникает цифры 4500, 4600, 4700... Максимальный курс, который он вам предложит, на всей улице одинаковый, и вряд ли вы обменяете дороже.

Впрочем, если вы меняете мелкие купюры (10, 5, 1-долларовые), курс будет специальным, ниже обычного (и тоже на всей улице одинаковый). Когда вы, наконец, сторговались, например, обменять 50 долларов по 4900, тут и начинается настоящая торговля!

Вам суют большую, толстую пачку денег (из заранее приготовленных менялой; они предпочитают мелкие купюры), и пока вы её пересчитываете (доллары не отдавая), меняла стоит и ждёт. В пачке риалов всегда недостаёт одной-двух банкнот.

– А где ещё 5000? – спрашивает недовольный мистер.

– Комиссион, комиссион! – отвечает меняла.

Тут и начинается базар. Особым любителем торговаться был Максим.

– No komission! – возмутился он, возвращал иранцу пачку купюр, и шёл по улице дальше в поисках другого менялы, который вскоре сам собой возникал. Но и другие менялы, даже спрошенные заранее о том, чтобы меняли без комис-

сии, старались прибрать к рукам одну из банкнот.

Торг из-за копеек всегда был для меня своеобразным спектаклем; я всегда соглашусь на небольшую «комиссию» – скажем, получить 243.000 вместо 245.000 – но Максим не соглашался. В общем, когда мы пришли в отель, мы так разругались из-за всяких копеек, что я символически достал, разорвал и выбросил 2.000-риаловую банкноту, которую Макс подобрал, склеил и использовал.

* * *

Итак, первый и последний раз за сие трёхмесячное путешествие я заночевал в гостинице. Мы заплатили примерно по 2.5 доллара на человека – в эти деньги входят чай, бельё, душ и даже завтрак, который мы не ели, потому что торопились, встали утром очень рано и направились за анкетами в МИД.

В «Атпо хориджи», несмотря на столь ранний час (ещё не было восьми), выстроилась здоровая очередь за анкетами. Получив их, мы, не задерживаясь, направились на знакомую нам улицу Доктора Хусейна Фатеми.

Когда мы достигли пакистанского посольства, оно уже было открыто. Появился и наш тегеранский друг Камран, который с интересом ждал решения нашей судьбы. Сотрудники посольства, забрав рекомендательное письмо, выдали нам анкеты для заполнения. Нас предупредили, что виза будет

стоить 200.000 риалов! Такое неожиданное изменение цены нас удивило – мы ещё не знали, что пакистанская виза имеет, вообще говоря, нефиксированную цену. Но тут какой-то пакистанец вступился за нас, и посольщики сменили гнев на милость, пообещав нам визы всего за 50.000.

Мы сдали анкеты, и оставив в посольстве наши паспорта, покинули его до 17.00 (именно в 17.00 нам должны были выдать паспорта с готовыми визами). Ещё не веря своему счастью, мы пошли гулять по Тегерану вместе с Камраном. Он повёл нас в ресторан самообслуживания, где каждый человек мог сам накладывать себе на тарелки всё, что захочет, а потом оплачивал это в кассе. Мы уже накануне ели в ресторане, там кушанья приносил официант, и народу было немного; здесь же «на экзотику» набежало полно иранцев. Мы набрали огромное количество пищи. Однако, ресторанное питание в иранской столице было исчезающе дешёвым. В среднем мы потратили здесь (как и в предыдущем ресторане) по 10.000 риалов (2 доллара), самые обжоры – 2.5 доллара и только Лена Крымская, наша скромная кашляющая женщина, набрала еды на 30.000 риалов (6 долларов), чем удивила и Камрана, и всех нас. Впрочем, мы не смогли справиться с изобилием жадно набранной пищи, и я, достав из рюкзака полиэтиленовые пакетики, сформировал запас еды «на голодные годы» и положил их в рюкзак. Все иранцы, смотря на нас, дивились.

В центре города мы встретили шедевры местного агитпро-

па – на кирпичном, выкрашенном белой краской заборе красивая надпись «DOWN WITH U.S.A» (долой Америку) плюс то же на фарси. Пока фотографировались у этой надписи, к нам подошёл англоговорящий человек, и увидев в нас иностранцев, заговорил с нами по-английски. Оказывается, отец мужика был... американцем.

После сего, попрощавшись с Камраном, мы отправились, для развития науки, в посольство Афганистана, желая узнать, на будущее, о возможности получения визы и в эту страну. Как всем известно, в Афганистане сейчас [в 1998 году] идёт борьба между двумя силами: талибами (занявшими уже почти всю страну) и их противниками, засевшими в горных северных районах. Афганские посольства и консульства во всём мире делятся на два типа: одни (расположенные в Пакистане) принадлежат талибам, другие (в Москве, Тегеране, Ташкенте, Ашхабаде и во всём остальном мире) – их противникам. Интересно, что виза, выданная не-талибским посольством, позволяет вам въехать и на территорию, контролируемую талибами, – но не наоборот!

Зайдя весёлым табором в посольство Афганистана, мы сделали серьёзные лица и поинтересовались, как получить туристскую визу в их замечательную страну. Консул позвал нас в отдельную комнату, и, рассадив вокруг себя, объяснил следующее:

Для того, чтобы получить визу, нужно принести: две фотографии, ксерокс первого разворота загранпаспорта, реко-

мендательное письмо из российского посольства в афганское посольство и тридцать долларов денег. Виза выдаётся в тот же день, посольство работает с 10 до 14 часов. Пятница выходной. Виза действует один месяц.

Однако большая часть страны в данный момент завоёвана талибами, в руках которых Кабул, Герат, Кандагар и другие города.

На момент разговора, из крупных городов в руках анти-талибской коалиции оставался только Мазари-Шариф (сдан талибам в августе 1998 г). Поэтому наша безопасность не была очевидной для сотрудников не-талибского посольства¹².

Поблагодарив консула, мы вернулись в центр города. Мы решили не беспокоить вторично наших посольщиков в Тегеране, прося выдать ещё одно письмо. Во-первых, Афганистан представляет собой одну из тех «сложных» стран, для посещения которых россиянам трудно получать рекомендательные письма. Во-вторых, наше желание посетить Афганистан было не очень сильным. Мы вернулись к пакистанскому посольству и стали с трепетом ожидать 17.00, сидя на своих рюкзаках на солнечной стороне улицы и удивляя прохожих своим иностранческим видом...

¹² В конце 2001 года режим талибов был свергнут, при вмешательстве стран НАТО, и теперь все посольства Афганистана в мире принадлежат одой и той же власти, правопреемнику «Северного альянса». – Примечание 2016 года.

Наконец, в 17 часов тегеранского времени, 18-го февраля 1998 года, мы получили вожделенные пакистанские визы.

Ура! Наука победила!

Этот день я готовил дольше года. Разрабатывались разные маршруты в Индию, но были два, теоретически, основных: первый – через Монголию, Китай, Лаос и Бирму, второй – через Иран, Пакистан. Единственным возможным из них, как показали исследования, оказался второй путь. Наконец, мы имели возможность воплотить всю теорию в практику. Ура!

Мы сидим за столиками уличной чайханы возле парка Лале и обмываем чаем научное достижение.

После «обмывки» Сергей Смирнов, наш Хип, решает тут же направиться на автовокзал, оттуда – в Исфахан, оттуда – в Захедан, в Пакистан и в Индию. По всей видимости, он успеет покинуть Иран до того момента, когда истечёт его иранская виза. Мы договариваемся о встрече 10-го марта, в 10.00, в Дели напротив российского посольства, и расстаёмся с ним. Остальные путешественники решают завтра же, в 8 утра, направиться в «Атпо хориджи», сдать туда свои паспорта, и пока они там продлеваются, съездить в святой город мудрецов и богословов, находящийся в 150 км к югу от Тегерана: в город Кум.

Письмо пятое. Иран, Кум, 20.02.98

Сегодня +15°C или даже теплее. Сегодня мы осматриваем святомудрый иранский город Кум. В Иране два города почитаются святыми: Кум и Мешхед. В Куме находится гробница (мавзолей) Фатимы (дочери шиитского имама Мусы аль-Казима). К сожалению, в этот мавзолей немусульман не пускают, и попытка войти внутрь и поглазеть поначалу не привела нас к успеху.

Пока выяснялся вопрос, почему нас не пускают, я просидел на рюкзаках у ворот долгое время. Проходят разные люди. Никто по-английски не понимает. Вот идёт женщина лет пятидесяти в чёрном халате, руки спрятаны, на голове несёт большущий тюк. Вот другая женщина, в парандже, вся чёрная, ведёт за руку маленькую белую дочку. Вот человек восемь несут длинный блестящий ящик, он открыт, в нём что-то длинное, завернутое в белую простыню (наверное, покойник). Гроб заносят в ворота святилища. Вот два крупных мужика в чалмах, шлёпанцах и длинных коричневых халатах садятся и уезжают на одном мотоцикле. Вот в святилище не хотят пускать молодую, не слишком закрытую женщину. Тут же, у ворот, торговцы хиджабом (женскими накидками) загоняют свои халаты за 18.000 риалов. Неподалёку продают минералку (1400 риалов). Вот одноногий инвалид проходит в ворота, стуча второй, деревянной,

нойгой. Вот идёт Лена Крымская, она уже купила свой хиджаб и выглядит очень прикольно. Теперь у неё явно должно получиться проникновение в ворота. Руслан, кстати, раза четыре хотел проникнуть в святилище ислама со всех четырёх ворот, но его останавливали: видимо, автостопщиков в комбезах не пускают. Вскоре, наконец, мне повезло: я (оставив рюкзак с друзьями) легко проник внутрь и изучил сущность святого места.

Пройдя в ворота, я оказался на четырёхугольном внутреннем дворе, где находилась древняя мечеть. Я разулся и вошёл; в мечети было множество людей, воздух был тёпл и густ. Одни люди, закрыв глаза, молились, другие, сидя или стоя, читали коранообразные книги, третьи столпились в стороне, пытаясь прикоснуться к большой (метра три в высоту, четыре в длину) расписанной гробнице. Протис-

нувшись, я прикоснулся тоже (надеюсь, она не осквернилась от моей немусульманской сущности). Интересно, что все окружающие люди были мужчины; женщины, видимо, имеют отдельный вход.

...Сейчас к нам на улице Кума подошёл человек и спросил: умеем ли мы играть в шахматы. Макс, чемпион Твери и Тверской области, тут же побежал играть, чтобы сделаться и чемпионом Кума. Но через десять минут житель Кума выиграл. Победа во второй партии, напротив, досталась Максиму. Сейчас они играют в третий раз, а я стою возле них и наблюдаю мечети и окружающий мир.

Завтра нам нужно будет вернуться в Тегеран и зайти в «Атпо хориджи» (отдел продления виз). Мы в четверг сдали туда свои паспорта и множество потребных туда бумаг. Пятница здесь выходной; сдав вчера эти документы, мы вынуждены гулять по Ирану до завтрашнего дня без паспортов, что несколько опасно. Надеюсь, завтра паспорта вернутся к нам с уже продлённой визой, и мы продолжим свой путь.

Иран, автобус Тегеран—Кум, 21.02.98

Уже три недели, как мы выехали из дому, и всего 7 дней с тех пор, как мы толкали автобус вверх на заснеженных перевалах Армении. Тут всё иное, и солнце светит не пофевральски: +15°C. Купили мороженое. Автобус толкать не надо: едет сам.

Вчера, когда возвращались из Кума в Тегеран, проехали автостопом втятером, с пятью большими рюкзаками, в одной легковой машине. На подъездах к Тегерану нашу машину остановили полицейские – проверить документы. Паспортов ни у кого не оказалось (мы ведь сдали их на продление), остались только жёлтые полицейские бумажки, которые нам выдали на въезде в Иран. Но повезло, всё обошлось; почитительно поглядев на иностранцев, полицейские отпустили машину вместе с нами.

Заночевали уже в Тегеране в парке Лале. Здесь парки не такие, как в России: весьма ухоженные, постриженные, цивилизованные, с искусственными прудами, речками... Только легли спать (в палатках), как нас разбудили работники парка и хотели выгнать. Увидев, что мы «хориджи» (иностранцы), нас зауважали и просто попросили переставить палатки от того забора, к которому мы их привязали, в другое место. Насколько я мог понять, с другой стороны ограды находились какие-то секретные военные объекты. Мы перешли и опять заснули. В 7 утра пришли новые сторожа, разбудили нас и выгнали. Такая же ситуация была позавчера в другом тегеранском парке: нас будили утром и вечером. Прикол в том, что садовники не знают ни английского, ни русского языка и собираются в толпу, пытаясь поговорить с нами. В обоих случаях вечером приходило человек по шесть.

При этом любопытно, как они возникают (это было одинаково, хотя мы ночевали в разных парках). Вечером, видимо, происходит обход парка. Обнаружив нас, садовник начинает громко свистеть в имеющийся свисток, и подходя к нашим палаткам, начинает их пинать ногами, громко бормоча непонятно на фарси. Каково же его удивление, когда из палатки вылезают «хориджи» (иностранцы), громко бормоча что-то непонятное садовнику. Садовник тут же перестаёт пинать палатки и призывает громкими свистками и криками себе на помощь остальных. Их удивлению нет предела, но в парке, по их теории, спать нельзя. В первом случае они боялись, что мы замёрзнем; во втором боялись близости военного объекта. Только после долгих бесед нас оставляли в покое; но утром, ещё до рассвета, мы просыпались от знакомого звука свистка: это садовники совершают утренний обход, очищая парк от деклассированных элементов.

Сегодня в Тегеране мы наконец получили паспорта с продлённой на 10 дней визой. В очереди за паспортами видели многих интересных людей – иностранцев. Большинство оных оказались гражданами Афганистана. Я обошёл всю очередь, стараясь найти англоговорящего афганца, но к счастью не пришёл. Пришлось объясняться «на пальцах». Афганцы объясняли (в основном жестами), что на их родине нужно быть бородатым, а без бороды в их страну ехать не следует. Власть талибов им не нравилась. Другие два че-

ловека, высокие, рыжебородые, в длинных белых халатах, происходили из пакистанского города Пешавара. Пакистанцы мёрзли и смеишно кутались в свои халаты, но бороды торчали наружу.

Там же нами был выявлен и наш питерский друг Костя Шулов, успешно получивший в Армении иранскую визу и вслед за нами поехавший в Иран. На дорогу от границы до Джульфы он потратил 1\$, а в остальном его путь был схож с нашим. Костя будет продлевать визу, а затем отправится в путешествие по Ирану, но Индию не посетит.

Иран, Бам, 25.02.98

Здесь тоже есть свой Бам – это небольшой городок на юго-востоке Ирана. Сижу на солнышке во дворе мечети, ем финики и пишу письмо.

От Кума до Бама мы проехали стопом через Кашан, Исфахан, Керман. В Исфахане трёх из нас (меня и ещё двух) хитро обокрали люди, сказавшиеся полицейскими. У меня, например, украла 200\$. Случай для Исфахана весьма редкий. Однако, мы не расстроились и продолжили путь; у меня, например, есть ещё целых 100\$, что соответствует 1000 кг апельсинов в этих местах, или 20.000 лепёшкам хлеба. Полагаю, этого хватит.

Сейчас подробнее опишу технологию воровства. На одной из улиц Исфахана к нам подруливает белый «Пейкан» (жигуль местный). В нём – два усарых человека.

– Полис, – говорит один из них, предъявляя удостоверение с фотографией и непонятными надписями на фарси. Нас жестами приглашают сесть в машину, рюкзаки – в багажник.

– Паспорт, – и господа, сидящие на переднем сиденье, кропотливо изучают наши паспорта. – Гашиш? наркотик?

– Ноу-ноу, – уверяем мы.

– Open rockets, I want to see rockets, – интересуются господа, и мы послушно предъявляем содержимое карманов. Спек-

такль продолжается минут пять, господа делают вид, что ищут наркотики, даже нюхают чего-то. – Do you have dollars? False dollars? I want to see! – (Доллары? фальшивые?) Поскольку после недавнего случая с пропавшим рюкзаком О. Матвеева я переложил все свои деньги в ксивник, месторождение долларов на виду, и полицейские с интересом изучают наши деньги на просвет.

– О-кей, о-кей, – и пока напарник водителя выгружает на землю наши рюкзаки из багажника, главный «имональщик» кладёт все наши паспорта и деньги в найденный у нас же полиэтиленовый пакетик, возвращает их нам, и машина уезжает. Мы (уже подозревающие что-то) хотели переписать номер, но увы: номер был специально заляпан и затёрт белой краской.

Пересчитали деньги – так и есть! большая часть денег отсутствует. Мы, конечно, направились в полицию, потом в российское консульство, но успеха не имели. Белых «Пейканов» в Иране пруд пруди. Но не переживать же из-за денег! И мы продолжили гулять по Исфahanу.

Мы направились на площадь имама Хомейни – ту самую, которую нам так и не удалось обойти прошлым летом (1997) из-за того, что местные жители зазывали нас в гости. Да и сейчас – идём, навстречу наш юный друг, продавец ковров.

– О, my friend! Мы встречались в прошлом году! Я помню! Заходите! – и вся наша компания подверглась очеред-

ному показу ковров. К счастью, необычно холодная для Исфахана погода разогнала других гуляющих, и больше никто смотреть площадь нам не мешал.

Когда же настал вечер, мы озаботились ночлегом. Разбились на две партии. В моей были Руслан, Макс, Лена и Владимир. Мы отправились на юг города, в район Исфаханского университета, желая попутно подружиться с какими-нибудь англоговорящими студентами и заночевать у них.

Первое знакомство, с молодыми курдами, не привело нас к успеху – студенты постеснялись предложить нам ночлег, а мы постеснялись попросить. Зато следующим человеком, заинтересовавшимся нами в тот момент, когда мы шли вдоль университетской ограды, был преподаватель геологии этого университета, Рахмат Элхами.

Рахмат, великолепно говорящий по-английски (он несколько лет работал в... страшно сказать... U.S.A.), заинтересовался нашей сущностью. «У вас есть какие-то проблемы?» – «Да, мы хотели бы переночевать, но чтобы это было бесплатно,» – честно ответили мы. – «О, вы можете переночевать в студенческом общежитии, пойдём, я вас впишу,» – и мы направились к воротам университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.